



Светлана
АЛЕШИНА

Крошка —
МЕСТЬ

Сериал



«Александра»



ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Крошка-мечь (сборник)
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961626

Алешина С. В. Крошка-мечь. Мир мечтаний: Повести.: Эксмо-Пресс;

Москва; 2001

ISBN 5-04-006749-2

Аннотация

В первый момент история дамы со смешной фамилией Дында показалась частному детективу Александре Данич забавной и любопытной, но не более того. Речь шла всего лишь о том, чтобы установить личность типа, который с поразительной настойчивостью преследовал Тамару Николаевну. Однако странные убийства ее знакомых заставляют Сашу поинтересоваться на это дело: кровавая цепочка может дотянуться и до самой Дынды. Но чем глубже «копает» Александра, тем больше убеждается, что во всей этой заварухе есть нечто, тщательно скрываемое самой клиенткой...

Содержание

Крошка-месьть	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Светлана Алешина

Крошка-месь (сборник)

Крошка-месь

Глава 1

Ну что за гадость, поморщилась я. Если я плачу за проезд в чертовом автобусе целых четыре рубля, можно хотя бы пожалеть мои несчастные уши?

Какая-то девица пронзительным голосом вопрошала у пассажиров автобуса, куда пропал ее Леха. То есть это она по радио вопрошала, но водитель любезно давал ей возможность оповестить о своем горе всех в салоне.

Интересно, почему у нас дозволено вот так навязывать свой вкус? Надо будет тоже купить себе автобус и гонять по городу, врубив на полную мощность «Рамштайн»... А кто не любит такую музыку, пусть дожидается этого хмыря с его Лехой.

Слава богу, моя остановка...

Может быть, я становлюсь брюзжащей старушонкой? А с виду еще ничего, выгляжу молодо! Впрочем, я и раньше не любила ширпотребную музыку.

Я шла по проспекту, на улице было тепло, солнечно, я уже почти забыла свои мелкие невзгоды, потому что...

Потому что я купила у тетки маленький букетик фиалок. Потому что из киоска аудиокассет я услышала такую очаровательную музыку, что рванулась туда, на зов моей тайной любви.

Рокабилли!

Я напоминала самой себе человека, которого вытащили из-под завалов и сунули кислородную подушку. Стояла, как дура, прижимая к груди фиалки, и, закрыв глаза, слушала...

Нет, я не только слушала! Я не удержалась и начала тихонько подпевать.

Из окошка выглянул дяденька в очках и уставился на меня с симпатией.

– Ой, извините, – пробормотала я, испытывая ужасную неловкость.

– Да за что? – удивился дяденька. – Так приятно... Молоденькая девушка, знающая хорошую музыку. Это сейчас редкость. Стойте тут хоть целый день и напевайте.

Я бы купила эту кассету, но, как назло, у меня в кармане лежал один-единственный непригодный бакс. Как-то в лом мне было его обменивать, вот он и сохранился у меня великим чудом.

Я повертела его в руках и с грустью сказала:

– А вы не продадите мне эту кассету за доллар? Понимаете, у меня больше нет...

Он рассмеялся.

– Возьмите в долг, если хотите.

Он уже протягивал мне кассету.

Я в свою очередь упорно впихивала ему свой залежалый бакс, и в конце концов мне удалось всучить ему это безобразие.

– Ладно, вечером все-таки забегите за сдачей, – попросил он меня.

– Забегу, – пообещала я.

Тем более что вечером мне должны были выдать деньги, а это значило...

Я вздохнула.

Это значило, что легкомысленная Саша вознамерилась оставить их почти все в этом киоске. Слишком много тут было хороших сборничков.

Осчастливленная кассетой, правильно воспринятой мной как дар судьбы, я сама не заметила, как прошла весь путь до нашей «конторы».

* * *

Ах, да. Мы теперь сняли помещение. Теперь у нас все как у людей. Плюс к этому три детектива вместо двух. Третья у нас Лиза.

Стало веселее и проще. Теперь клиент не рискует, войдя, уткнуться в разобранную кровать или застать детективов

за изучением содержимого холодильника. Правда, мне почему-то больше нравилось в Ларчиковой квартире.

Еще у нас два ценных приобретения. Одно – полусонная и ворчливая уборщица Таисья Владимировна. Раньше она, по ее собственному выражению, «служила в опере». Поэтому мы прозвали ее «призраком оперы». Передвигается она и в самом деле, как призрак. Неслышно. Мы даже обдумывали всерьез возможность использовать ее в слежке. Но «призрак оперы» имеет крайне дурную привычку иногда выдавать себя звучным вздохом: «Ой, боженьки ж мои!» Лиза из-за этого приклеила к ней еще кличку «язычница», поскольку вследствие этих непонятных «боженек» твердо уверилась в том, что Таисья Владимировна исповедует многобожие. Но является ли она последовательницей Перуна и Дажьбога или поминает греческий пантеон богов, нам выяснить не удалось. Таисья Владимировна свои религиозные верования с нами обсуждать не собирается.

Второе приобретение – наша секретарша. Юное создание, больше всего на свете озабоченное двумя великими ценностями – фигурой и состоянием ногтей. Сейчас она пребывает в унынии – обнаружив у себя два лишних грамма, она срочно села на ужасную диету, состоящую из потребления геркулесовой каши три раза в день, и так в течение десяти дней! Представьте ее грустное настроение...

Вот такие изменения произошли в нашей жизни...



Часы показывали уже половину одиннадцатого, а нашей счастливой пары не было видно.

Вот так, Саша! Помнится, в те времена, когда офис находился в холостяцкой квартире Ларчика, опаздывала исключительно ты. А теперь...

Я развела руками. Личное счастье всегда мешает работе. Правда, в данный момент моей работе мешал компьютер, а его вряд ли можно отнести к «счастью».

Не ожидая от него такой крупной гадости, я преспокойно врубила его и стала разыскивать сведения по делу Крашинского, которому нужно было представить отчет. Дело было скучное, оно мне сразу надоело, и заниматься составлением отчета мне совершенно не хотелось – я бы охотно свалила это на Дашку, нашу секретаршу, если бы не ее почти первобытный страх перед чудовищем-компьютером. Когда мы принимали ее на работу, она умело маскировала этот животный ужас, делая вид, что разбирается в ПК не хуже, чем в собственных отшлифованных ноготках. Но стоило нам к ней привыкнуть, как девица начала падать в обморок при одном только упоминании о том, что ей надо воспользоваться «адской машиной». Сначала мы пытались бороться с этой патологией, но Дашка так упрямо сопротивлялась своему профессиональному росту, будто была тайной последовательни-

цей некой загадочной секты борцов с прогрессом, и мы от нее отстали.

Но я отвлеклась.

Итак, я включила комп, и тут он ни с того ни с сего кокетливо мигнул и вырубился. То есть вырубился монитор. Я, естественно, не поверила в страшное и решила немного подождать.

На пороге в это время появилась Дашка и, умилительно сжав губки, посмотрела на меня с таким выражением, что я поняла – девочке надо смыться на часок.

– Иди, – махнула я рукой.

Она радостно пискнула, как птичка, вырвавшаяся из клетки, и сказала:

– Спасибо, Сашенька!

С этими словами она с реактивной скоростью испарилась.

Мне тоже было нечего делать – по крайней мере, пока не явятся Лариков и Лиза.

Черт! Я посмотрела на часы. Лиза и Лариков не торопились появляться, а в три должен был заявиться зануда Крашинский!

В конце концов, монитор мог вырубиться оттого, что Таисья Владимировна задела какой-нибудь шнур, вымывая пол. Я полезла под стол.

Вот в этот момент она и появилась на пороге моей комнаты. Как позднее выяснилось, у этой дамы была такая отличительная особенность – всегда появляться некстати.

Но в тот момент я еще не знала, какой подарок судьбы меня ожидает, и не отреагировала на хлопнувшую дверь, решив, что это Дашка вернулась за чем-то или заявила Таисья Владимировна, поскольку ее внезапно одолела потребность сделать у нас генеральную уборку.

– Простите, – раздался голос дамы, этакое звучное контральто, – вы не подскажете, как мне найти детектива Данича?

* * *

Вот тебе и новости! Кажется, меня ищут, но почему-то в мужском образе!

– Он сейчас появится, – сообщила я.

Ага, так и есть! Наша «язычница» действительно плюхнула тряпкой по проводам, сейчас я быстренько восстановлю гармонию, и все будет тип-топ!

Я подключила монитор и выползла наружу.

Вид у меня, кажется, был совсем не представительным.

Дама, стоящая напротив, выглядела куда более «комильфо». Единственное, что мешало ей полностью соответствовать идеалу женственности, так это чересчур крупные габариты. Некоторое несоответствие тонкой талии и объемной груди.

– Присаживайтесь, – кивнула я на стул.

Она пробормотала «спасибо» и опустила свое роскошное

тело на стульчик. Как на трон.

– А... Данич скоро будет? – поинтересовалась она.

– Данич? Ну, в некотором роде она находится перед вами.

Она вытаращилась на меня в крайнем изумлении и хихикнула.

– Я думала... Понимаете, ваша девушка, которая, впустив меня, исчезла, сообщила, что на месте сейчас только детектив Данич, вот я и решила, что раз детектив, то мужчина.

– Ничего, – легко простила я ее. – Я не являюсь последовательной феминисткой. Во мне нет патологической ненависти к мужчинам. Я считаю, что мужчины, как и все другие создания божии, включая комаров и тараканов, тоже имеют право на существование.

Она, кажется, отнеслась ко мне серьезнее, чем я того заслуживала. Мои пространные речи восприняла с некоторой опаской, а уж мой магнитофон, извергающий «Хиппи шейк», пугал ее больше ночных бандитов.

– Сейчас я сделаю потише, – сказала я.

Выполнив обещанное, я снова уселась перед ней с серьезным видом.

– Ну, вот. Так можно разговаривать, не напрягая голосовые связки. Меня зовут Александра Сергеевна Данич, и, как верно заметила наша секретарша Даша, я детектив.

Она неуверенно поерзала на нашем хрупком стульчике и сообщила:

– Я Дында.

После этого многозначительного вступления она замолчала, ожидая моей реакции, но я совершенно не знала, как воспринять ее странное признание.

Хоть убейте, я не имела представления о том, что ж это такое – «дында». Гордится ли она тем, что она – эта неведомая «дында», или, напротив, это заставляет ее стыдиться и страдать? Поэтому я кашлянула и продолжала молчать, ожидая продолжения. Мне даже стало интересно, что такое «дында», ведь вполне могло оказаться, что это какая-то таинственная секта типа «новоязычников» или «вольных каменщиков».

Она еще какое-то время «держала паузу», а потом повторила с мягким, но требовательным нажимом:

– Я Дын-да...

– Я вас поняла, – кивнула я. – Продолжайте.

– Меня зовут Тамара Николаевна, – удивленно сказала она. – Тамара Дында. Вы обо мне не слышали?

Я пожала плечами.

Судя по контральто, она могла быть оперной певицей. Да и бюст у нее вроде подходящий... Но оперу я не люблю. Поэтому я призналась, что ничего о ней, увы, не слышала.

– Последний раз я была в театре так давно, – вздохнула я.

– Господи, при чем тут театр? – выдохнула она. – Я сама была там последний раз год назад, когда находилась в Италии.

Честное слово, у меня скоро из-за моих клиентов разовьется комплекс неполноценности! Надо же, какая-то Дын-

да уже съездила в Италию, а я торчу в Тарасове безвылазно, как невыездная диссидентка, и никаких перспектив посетить Старый Свет у меня в ближайшем будущем нет!

– Я жена Дынды, – с нажимом сказала она. – Того самого.

Господи, зачем ты послал эту сумасшедшую именно в тот момент, когда я не могу свалить ее на Ларикова? Что она пристала ко мне с этими своими Дындами?

– Какого самого? – спросила я, рискуя окончательно потерять уважение этой странной дамы.

– Год назад моего мужа убили. Дынду Василия Никитича. Предпринимателя... Вы ничего об этом не слышали?

Пришлось признаться, что год назад я еще была далека от проблемы убийств бедолаг-предпринимателей. Поэтому о Дынде я ничего не слышала. А если и слышала, то пропустила мимо ушей.

– Ах, ну конечно... Вы такая юная еще. Совсем ребенок... Так вот, моего мужа убили, убийство, конечно, было заказным. Но дело не в этом. Дело в этом человеке...

Порывшись в сумочке, она достала фотографию и положила ее передо мной.

Я, все еще не понимая, что от меня хочет эта загадочная женщина, покорно уставилась на изображение мужчины в светлом плаще. Мужчина был с виду симпатичный, правда, я не могла сказать это наверняка, поскольку было очень смазано лицо. Плохая была фотография.

Повертев ее в руках, я попыталась вернуть мужчину за-

конной владелице, но она с ужасом отмахнулась от него.

– Нет, оставьте это себе. Мне жаль, что лучшего снимка у меня нет, поскольку я бы хотела, чтобы вы узнали, кто он. И что ему от меня нужно!

* * *

Я уставилась на фотографию.

– Подождите, вы хотите, чтобы я выяснила, кто он? – переспросила я.

Она закивала.

– Сейчас я вам расскажу все подробнее, – обрадовала она меня. – После смерти моего мужа у меня остался бизнес... Маленький, но на жизнь хватает.

«Если он позволяет тебе кататься по Италиям, то, надо думать, хватает, – подумала я. – Вот мой бизнес мне ни фига подобного пока что-то не позволяет!»

– Так вот, я не знаю, может быть, это связано именно с убийством моего мужа? Этот мужчина... Он меня буквально преследует. Он стоит под моим окном, он идет за мной к машине, он... Он сводит меня с ума! Я боюсь, Александра Сергеевна! Я никогда и никого так не боялась, как его!

– Ну, я бы не стала бояться, – легкомысленно заявила я. – Вполне приличного вида дяденька... В возрасте. Не киллер какой-нибудь. Не гoblin.

– Вот! – прошептала она. – Видите, вы сами все понимаете.

те! Если бы за мной так настойчиво ходили эти ваши гоблины, я хотя бы поняла, чего они хотят. А он? Чего хочет от меня этот человек?

– Может быть, он в вас просто-напросто влюбился? А сказать не решается?

– Понимаете, Александра Сергеевна, он... Однажды я не выдержала. Остановилась и, обернувшись, прямо спросила его, чего он от меня хочет. Он сказал. Но сказал не по-нашему. На каком-то совершенно непонятном языке. Одно я знаю наверняка – это было что-то очень неприятное. Потому что взгляд у него был... недобрый. Нет, он не злой был. Просто именно – недобрый. Так вот, он сказал мне эту непонятную фразу... К сожалению, я ее не запомнила. Я слишком испугалась в тот момент. Потом повернулся и спокойно пошел прочь. А наутро снова там оказался. Я боюсь, Александра Сергеевна! В конце концов, у меня ведь сын, мне страшно за него! А если это маньяк?

Она наклонилась ко мне и быстро зашептала:

– Маньяки – они ведь, говорят, именно такие и бывают. С виду интеллигенты. Пожалуйста, не могли бы вы мне помочь? Я вам заплачу. Я знаю, ваше агентство считается лучшим в городе, и вы берете дорого, но меня это не волнует!

– Послушайте, Тамара Николаевна, а почему вам не обратиться в милицию? – спросила я.

– Да помилуйте, что я скажу? – всплеснула она руками. – Меня там на смех поднимут! Нет, в моей ситуации лучше

частный сыск.

В тот момент история Тамары Дынды показалась мне забавной, странной, любопытной – но не более того.

Знай я, с какими страстями и трагедиями придется мне столкнуться, согласилась бы?

Не знаю. Может быть, нет. Но так уж получилось, что мне эта история показалась действительно простой, и я – согласилась.

* * *

– Послушай, я же не говорил тебе, что...

Он внезапно запнулся.

Римма посмотрела на него, ожидая продолжения. Впрочем, она и так знала, что он скажет.

Можно было это не слушать. «Я не говорил тебе, что все будет хорошо. Я не говорил тебе, что мы вечно будем вместе. Я не говорил тебе, что ты сможешь стать звездой экрана!»

Сейчас он смотрел в проем двери, и вид у него был какой-то ошпаренный. Ну, словно ему вдруг явилась Мойра. Дух смерти. Или фантом. Глаза вытаращены, а губы что-то пыхтят – то сложатся в трубочку, то, наоборот, раздвинутся в дикой улыбке.

– Что с тобой? – поинтересовалась она.

Он не ответил. Ну и рожа у него сейчас, подумала Римма, и почему-то ей стало весело. Словно тот факт, что у ее лю-

бовника такое вульгарное красное лицо, с песочным пятном поближе к виску, был таким уж радостным. Ах, Римма, тебе явно не хватает эстетического вкуса!

Интересно, что его так ужаснуло?

Она обернулась, надеясь увидеть по меньшей мере гангстеров с автоматами наперевес. Тогда ужас был бы объясним.

Но в дверях кафе стоял вполне интеллигентный мужчина лет около пятидесяти, и вид у него был вовсе не страшный, а совсем наоборот. Римме он показался куда более симпатичным, чем Прохоров с его ужасным родимым пятном. Впрочем, наверное, в нашей стране люди интеллигентного вида становятся такой же редкостью, как птеродактили, и способны напугать, подумала Римма.

Иначе никак не поймешь реакцию Прохорова.

Они встретились в этом кафе, дабы обсудить будущее, которого, как выяснилось, у Риммы не было и быть не могло, поскольку кинорежиссер Прохоров решил, что и лучше Риммочки женщины бывают, а в частности какая-то вульгарная гризетка из школы фотомоделей. Черт, и зачем она пять лет торчала в ГИТИСе? Надо было обучаться актерскому искусству где-нибудь на Тверской-Ямской!

Она пожала плечами.

– Прохоров, – обратилась она к виновнику ее незадавшейся судьбы. – Говори все, что ты хотел сказать, и давай прощаться. Время на тебя мне терять уже надоело. Чего ты хотел-то?

– А?

Он повернулся к сидящей на пластиковом стуле Римме с таким искренним изумлением, что ей показалось, будто ее присутствие здесь он расценивает как самое великое чудо.

– Прохоров, – начиная терять терпение, сказала Римма, – не делай вид, что меня тут быть не должно! Говори, зачем ты позвал меня в эту забегаловку, и давай по домам! Я прекрасно поняла, что у меня нет таланта в отличие от Люси Морозкиной и ты не можешь приказать своему давно засохшему сердцу меня любить! Я правильно выразила твои подлые мысли?

– Римма, зачем так?

Он сказал это тихо, как бы с укоризной.

Римме стало еще веселее.

– Ладно, Прохоров, давай прощаться. Целоваться с тобой я не буду – я и так слишком напряглась за предыдущий год, изображая сумасшедшую страсть к тебе! Пока!

Она поднялась со стула и пошла к выходу.

Мужчины в светлом плаще уже не было.

Она огляделась вокруг и недоуменно пожала плечами.

Странно все-таки, как будто этот мужчина и впрямь был призраком прохоровского прошлого! А уж в том, что у Прохорова прошлое было темным, Римма теперь не сомневалась!

Глава 2

В отличие от нашего «ценного приобретения» Даши, которая любила появиться утром и тут же исчезнуть, второе «ценное приобретение» любило появляться, когда ей «боженьки» на душу положат. И, появившись, она не спешила исчезнуть, делая вид, что грязи после ее предыдущего визита к нам narosло столько, что «боженьки ж мои»!

Сейчас Таисья Владимировна мужественно сражалась с маленькой пылинкой, невесть как сохранившейся после ее последнего марш-броска. Так как Таисья Владимировна была особой далеко не молчаливой, все мои потуги сосредоточиться на Крашинском были жалки и ни к чему не приводили.

В глубокой тоске я поглядывала на часы, которые показывали уже половину двенадцатого, потом на дверь, в тщетной надежде увидеть моего босса, но увы!

– Так Маринке-то чего! – рассказывала Таисья Владимировна, остервенело вытирая тряпкой стеллаж. – Маринка на своих яйцах триста в сутки может получить!

Перед моими глазами тут же всплыл образ неизвестной мне счастливицы Маринки, восседающей на корзинке подобием курицы.

– А я тут у вас...

Таисья Владимировна махнула горестно тряпкой, и часть

пыли немедленно осела на моем лице. То есть мне так показалось. Вера в предлагаемые обстоятельства во мне всегда была сильна, и я немедленно чихнула.

Та-ак... Крашинский.

Я снова попыталась сосредоточиться на несчастном бизнесмене, у которого воровали деньги его сотрудники, вернее – сотрудница, а еще вернее – его любовница, и подумала, что надо бы посоветовать ему взять в любовницы Маринку, имеющую по триста в сутки, сидя себе безмятежно, как курица, на яйцах.

– Саш, да ты меня не слушаешь! – обиженно вскрикнула Таисья Владимировна.

– Слушаю, – попыталась уверить ее я.

– Нет, ты уткнулась в этот свой монитор и не слушаешь!

– Господи, да мне работать надо! – вскипела я. – Я стараюсь, как Юлий Цезарь, и вас слушать, и работу делать, только и всего...

– Работай, работай, – немедленно оскорбилась Таисья Владимировна и засопела в гордом молчании. Правда, мужества продолжать играть в молчанку ей надолго не хватило, и она через пятнадцать минут снова открыла рот: – Вот ты тут сидишь, засыхаешь на своей работе, а Лиза с Андреем Петровичем с утра звонили, что не придут!

– Как это? – вскинулась я.

Ничего себе! Попробовала бы я не прийти!

– Тебе Даша ничего не сказала?

Я помотала головой.

– Вот глупая девчонка! Вечно у нее ветер в голове. Не придут они. Уехали куда-то в Покровск, по Лизиному делу.

Ага! Значит, Лизины дела мы решаем вместе, а Саша пусть тут мучается с Крашинским и «призраками» этой Дынды в одиночестве?

Теперь я уж вовсе не могла сосредоточиться на Крашинском!

Нажав на «выход», я выключила компьютер и стала собираться.

– А ты куда? – поинтересовалась Таисья Владимировна.

– Пойду выпью кофе, – ответила я. – Вы тут будете еще час?

– Конечно, – с готовностью кивнула Таисья Владимировна. – И правильно ты придумала... Иди, погуляй. А то с этой работой у тебя цвет лица зеленым стал... Весна на улице.

Не знаю уж, какая была связь весны с моим «зеленым» лицом, но я так расстроилась, что не стала задумываться над этим.

Я вышла на улицу и остановилась, соображая, куда же мне пройти, чтобы хоть немного привести в порядок свои эмоции.

С появлением в лариковской жизни Лизы моя жизнь круто изменилась. Хотя Пенс говорит, что это – ревность, но с какой стати?

Просто эта Лиза привыкла ощущать себя королевой, вот и

делается все возможное, чтобы остальные чувствовали себя всего лишь ее свитой!

* * *

Рука была бледная, с длинными ногтями, а Каллистратов все пытался закричать, только голоса у него не было. Поэтому он бессмысленно таращился на эту руку и разевал рот, как рыба, пытаясь выдавить из себя хоть капельку крика.

Рука тянулась к каллистратовскому горлу, и никаких сомнений по поводу того, что она намеревается сделать, у Каллистратова не было.

Задушить. Чертова рука хочет его задушить. Сейчас она подберется поближе к каллистратовской шее, которая теперь казалась Каллистратову ужасно тоненькой, как веточка ивы, и тогда...

Тогда эти ужасные длинные ногти вопьются в шею, как клыки вампира. Эти пальцы разорвут артерию, и оттуда хлынет кровь. Фонтан крови. Черт, в очередной раз помянул Каллистратов несомненного владельца этих ногтей-когтей, да ведь заорать бы надо!

Рука уже дотронулась до шеи. Прикосновение получилось нежным, и Каллистратов успокоился. Если прикосновение смерти такое ласковое, так и ладно, почему-то подумал Каллистратов и проснулся.

Рука с длинными изящными ногтями, выкрашенными по

последней моде темным лаком, мирно покоилась на его шее.

– Ты кричал, – услышал Каллистратов голос Дины.

– Спасибо, что разбудила, – выдохнул Каллистратов. –

Опять снятся кошмары.

– Сходи к Наталье, – посоветовала Дина. – Если тебя мучают ночные кошмары, значит, что-то в твоём прошлом не так. Надо решить эту проблему, Владик. Иначе...

Она не договорила. Он рывком поднялся на кровати. Одежда сползло с плеч, обнажая его торс. Самый красивый торс города Тарасова...

Он самодовольно погладил ладонью четко вылепленные мускулы и зевнул.

– Сколько времени?

– Половина первого, – сообщила Дина.

– О боже! Я снова перебрал со сном! – застонал он. – Лишний сон – лишние килограммы!

– Я все не могу привыкнуть, что ты живешь по женской программе, – фыркнула Дина.

Ее хорошенькое личико с раскосыми глазами и маленьким аккуратным носиком почему-то раздражало Каллистратова в последнее время. Маленькая буряточка перестала привлекать его своими восточными загадками.

Может быть, дело в белокурой Нине из миманса?

Да, именно в этой маленькой девчужке и была причина охлаждения Каллистратова к теперешней подружке.

И даже не в самой Ниночке с ее вздернутым носиком,

большими голубыми глазами, а в выражении этих глаз.

Ниночка смотрела на него с обожанием, а обожание Каллистратов ценил.

Собственно, он был создан господом специально, чтобы женщинам было кого обожать.

Он встал, накинул на плечи белоснежный халат и потянулся. Оставалось размять мышцы, выпить стакан апельсинового сока, небольшую чашку кофе, и пора отправляться на студию. День расписан по минутам – студия, репетиции, спектакль...

Телефон.

– Дина, подними трубку, – бросил он, проходя в комнату, оборудованную под тренажерный зал.

– Тебя, – протянула она телефонную трубку.

Не прекращая вращать педали на велотренажере, он поймал трубку из ее руки и проговорил:

– Алло.

– Влад?

– А-а. Привет.

Могла бы позвонить раньше, недовольно подумал он. Разбудила бы, по крайней мере!

– Влад, сегодня все отменяется.

– Почему? – удивился он. Он не любил, когда срываются съемки.

– У меня неприятности. Пока я не разберусь с проблемой, работать не будем. Потом объясню.

В своем репертуаре, усмехнулся он, когда она повесила трубку. Потом она просто забудет все объяснить!

И что у нее могут быть за проблемы?

Вздыхнув, он протянул трубку Дине. Та взяла ее. «Как покорная собачка кость», – усмехнулся он про себя. Все раздражало его в Дине.

Ах, если бы она куда-нибудь исчезла!

Он не знал, что творилось с ним в последнее время. Сейчас мысль о возможности Дининого исчезновения отчего-то показалась ему страшной, холодной, как рука во сне, которая душила его.

Он обернулся, пытаясь прогнать наваждение. Сейчас он больше всего на свете хотел бы увидеть ее лицо. Чтобы страх прошел.

Но Дины в комнате уже не было. Она умела двигаться бесшумно, словно кошка.

* * *

Ох, эта Лиза!

Она не желала дать мне ни минуты покоя. Я уже битый час торчала в этом маленьком кафе с крошечными букетиками искусственных фиалок на столиках и пыталась успокоиться. Ничего у меня не получалось, наоборот!

Я и сама понимала, что веду себя как маленькое неразумное дитя, но ревность есть ревность. Обидно чувствовать се-

бя ненужной! А я сейчас именно таковой себя и ощущала. С тех пор как в жизни Ларчика появилась Лиза, он стал ко мне не то чтобы холоден, нет! Просто всю самую сложную и самую интересную работу теперь выполняла Лиза, а я...

Я, как в случае с Крашинским, занималась рутинной, и мне уже давно пора было обидеться, потому как теперь меня стали почитать за «малое дитя», а Лизу – за умного и решительного работника.

Доля истины в этом была. Лиза и правда умела то, что я не умела. Но ведь и она не знает, например, французского языка? Хотя, если разобраться, зачем детективу знание французского? И к тому же они собираются пожениться, а мужья всегда проталкивают жен вверх по служебной лестнице! Хорошо еще, что в случае с Лизой проталкивать будут не тупую бабищу, а вполне талантливую девицу.

Посидев еще с полчаса, уныло мешая кофе в чашке, отчего он превратился в ужасную коричневую жижицу, я окончательно приуныла.

Единственный шанс у меня вырваться вперед – это совершить какой-нибудь подвиг. Я вздохнула. Если бы сейчас рядом со мной была моя мамочка, она не преминула бы заявить, что в моей голове еще сидит детство. И оказалась бы совершенно права. Я и сама понимала, что все мои обиды и мысли – детские. Но как с ними управиться, скажите на милость? Ты все понимаешь, но эти обиды засели в твоей башке.

– Вот если бы мне подвернулось интересное дело, – мечтательно пробормотала я и уставилась в окно, представляя себе прекрасные картины.

То есть мирному обывателю картины, нарисованные моим воинственным воображением, вряд ли показались бы прекрасными. Поскольку там были горы изуродованных трупов и океаны крови, через которые мудрая, мужественная и проницательная Саша пробиралась к разгадке. Тем более что в роли предполагаемых жертв или преступников выступали те несчастные, кому так некстати пришло в голову прогуляться перед окном кафе, возле которого я и сидела. Наверное, они и представить себе этого не могли, поскольку прогуливались вполне беззаботно, и моя мрачная физиономия с мечтательной улыбкой их вовсе не интересовала.

Впрочем, нет.

Один тип почему-то уставился в окно кафе с откровенным испугом. На мой взгляд, этот красавчик как никто другой соответствовал образу жертвы, поэтому я, прочтя испуг на его лице, и сама испугалась, не отразилась ли его ужасная участь на моей физиономии? В данный момент я как раз находила красавчика в его собственной квартире, навеки притихшего, поскольку рука убийцы уже нанесла сокрушительный удар...

Я робко улыбнулась ему, но он никак не отреагировал на мою улыбку, продолжая испуганно тарашиться мимо меня, внутрь кафе.

Повинуясь любопытству, я обернулась.

В кафе никого не было. Только я да какой-то дяденька интеллигентного вида, в свитере и джинсовой куртке. Так что скорее всего этого самодовольного красавца напугала все-таки я. Дядька сидел спокойно, в глубине, и пил кофе. В окно он даже не смотрел. Я снова обернулась к красавчику, но тот уже уплывал, быстро, как корвет, в сторону оперного театра.

Правда, в его походке больше не было величавой надменности, и вид у него был такой, будто он спасался бегством, — голова втянута в плечи, а спина странно ссутулилась.

Посмотрев на часы, я сообразила, что опаздываю. Через час заявится господин Крашинский и начнет требовать с меня отчет, а у меня этот дурацкий отчет еще не в том состоянии, чтобы порадовать его очи. Поэтому я резко вскочила и на реактивной скорости понеслась в офис.

И, как ни странно, чувствовала я себя теперь намного лучше, чем до этого момента. Неужели правы те психологи, что рекомендуют смотреть идиотские триллеры и «ужастики», утверждая, что симуляция страха бывает весьма полезна для нервной системы?

* * *

Каллистратов провел рукой по лбу. Он смог избавиться от наваждения только сейчас, на ступеньках перед служебным входом.

Наваждение, подумал он. На минуту ему показалось, что мир собирается перевернуться, взорваться, и снова всплыла перед глазами та страшная бледная рука с длинными ногтями. Это твой страх, сказал себе Каллистратов. Не надо даже ходить к психоаналитику Дины, чтобы понять – вот так выглядит твой страх.

– Влад, привет. – Он обернулся на голос и увидел перед собой огромные глаза Нины.

– Привет, – выдавил он улыбку.

Ему не давал покоя силуэт за окном. Сейчас даже Нина казалась ему размытым силуэтом из той же «оперы», что и тот, за окном кафе.

Ты все себе придумываешь, родной, все придумываешь. Ты не мог там никого увидеть, понимаешь?

– Как дела? Ты выглядишь расстроенным...

Голос Нины существовал в каком-то другом пространстве, долетая издалека.

– А?

Каллистратов встрепенулся.

– Ты плохо выглядишь, – повторила Нина, и на лоб Каллистратова легла ее ручка, такая мягкая, маленькая, нежная... Да и сама Нина была воздушной, как видение. Вот только это видение напоминало ему давно забытую тень. Эти распахнутые глаза, такие невинные, чистые, и – полная незащитность. И именно от нее, этой незащитности, Каллистратову становится жутко и хочется убежать в такую даль, где никто

никогда тебя не отыщет!

Спрятаться в родной грязи?

Он усмехнулся.

Да, именно так.

– Что с тобой? – продолжала Нина.

– Все в порядке.

Он поймал маленькую ручку и прижался к ней губами.

Она не отнимала руку. Она наблюдала за ним с детским простодушием и кокетством маленькой девочки.

Господи, да что это со мной? – подумал Каллистратов. – Я скоро буду бояться собственной тени...

Но справиться с собой он не мог. Когда они поднимались по ступенькам и старая дверь со скрипом открылась, он не смог удержаться.

Обернувшись, он вздрогнул.

Ему показалось, он снова видит силуэт того человека из кафе.

Каллистратов боялся отнюдь не собственной тени.

«Впрочем, – усмехнулся он, – ведь это тень тоже моя. Поскольку наши грехи не уходят в прошлое, как покорные овечки. Нет, иногда они воплощаются в зыбкие силуэты, и как бы мы ни старались себя переубедить, это все-таки наши тени. Эта тень тоже моя...»

Тень из его прошлого...

Глава 3

От Крашинского у меня ужасно разболелась голова.

Бывают же такие люди – даже говорят на одной ноте! Полнейший зануда...

Как только за ним закрылась дверь, я с облегчением выдохнула:

– Свобода!

Дашка посмотрела на меня с сочувствием и достала пакетик с растворимой геркулесовой кашкой.

– Есть хочешь? – поинтересовалась она.

Есть я хотела, но не ее кашку. Поэтому я честно попыталась изобразить на своем лице глубокую симпатию к полезному продукту и помотала головой в знак отрицания.

Кажется, отвращение все-таки мелькнуло на моей физиономии, потому что Дашка немного обиженно пробормотала:

– Как знаешь...

Она развела эту отвратительную гадость кипятком и стала ждать.

Дверь хлопнула.

– Явились, – вздохнула Дашка.

На пороге действительно стояли Ларчик и Лиза, и выглядели они жутко уставшими.

– Как Покровск? – поинтересовалась я.

– Ужасно, – призналась Лиза. – Мы ничего там интерес-

ного не обнаружили. Наши халявные баксы, кажется, не получились.

– А я вообще не понимаю, почему ты решила, что этот тип должен находиться именно в Покровске, – проворчал Лариков.

– Я просто видела, как он садился в автобус. И билет он взял, между прочим, до конечной остановки. То есть до центра Покровска.

– Значит, надо было ехать туда вместе с ним.

– Ночью? – вытаращилась гневно Лиза. – Время, между прочим, было двенадцать ночи!

Он ничего ей на это не сказал, только презрительно фыркнул.

Ага, наша парочка начинает ругаться, отметила я про себя. Надо же, а я думала, пасторальная идиллия продлится на века!

Они теперь зловеще молчали, и находиться с ними в одной комнате было еще хуже, чем с занудливым Крашинским.

– «Не стой на пути у высоких чувств», – пропела я. – Может, объясните, что за тип вас так безумно интересовал?

– Да чего теперь о нем говорить! – отмахнулся Лариков. – По Лизиной милости мы его все равно проворонили. Равно как и двести баксов, которые нам совсем бы не помешали!

Лиза вскочила.

– Все! – заявила она. – Я тут больше не работаю! Ты так меня достал, Лариков, что я даже не могу подобрать слов,

как ты мне опротивел!

Она заметалась по комнате, собирая свои мелкие вещички. При этом она попыталась похитить мою любимую зажигалку, но я ухватила за драгоценность рукой.

– Это мое, – сообщила я.

– Господи, мало того, что они тут зануды, они еще и жадные, – пожаловалась Лиза потолку, явно спутав его с небесами.

– Да бери на здоровье, – устыдилась я своей жадности. – Я спичками попользуюсь...

Лиза уже принципиально не пожелала брать мою зажигалку и, чиркнув спичкой, нервно закурила.

– Здесь не курят, – не унимался Лариков.

Вот идиот! Естественно, после этого заявления на примирение надеяться было нельзя.

Лиза круто развернулась и, ни слова не сказав, вылетела из комнаты.

– Ларчик, что это с тобой? – поинтересовалась я. – Захотелось одиночества и свободы?

– Да, захотелось, – отрезал мой босс, давая понять, что не намерен обсуждать свои личные проблемы с подчиненными.

Я пожала плечами.

В конце концов, разговаривать с разъяренным влюбленным так же опасно, как засовывать голову в пасть голодного и недрессированного льва. Подожду-ка я лучших времен. Должны же они когда-нибудь помириться!



– Тamarочка! Добрый вечер, красавица вы моя! А вы все хорошеете!

Тамара встретила неожиданного гостя с некоторой настроженностью.

Прохорова она не видела уже давно. Почти... Ну, да. С того самого времени.

– Добрый вечер, Леонид Витальевич, – изящно наклонила она голову в знак приветствия, не переставая наблюдать за его лицом.

Что его могло сюда привести? Вряд ли дружеские воспоминания... Уж чего-чего, а дружбы между ними не было! Год назад последний раз он стоял, склонив голову, перед гробом Василия, и в его глазах сверкали умело вызванные слезы. Вряд ли так уж он переживал Васькину гибель, скорее был напуган.

Потому что после того пропал, как ветром его сдуло. И ни разу больше не появлялся.

Что ж, хотелось спросить ей, опасность миновала?

Он был ей всегда неприятен, а теперь к антипатии примешалось еще чувство опасности – что могло его сюда привести?

Они сидели в креслах с высокими спинками, а перед ними, на изящном столике с гнутыми ножками, стояли чашеч-

ки с кофе, тарелка с картиной-пасторалью, на которой были красиво разложены изящные бутербродики-канапе, и фужеры из тонкого стекла, до половины наполненные золотистой жидкостью.

– Как в старые добрые времена... – вальяжно откинувшись на спинку кресла, молвил Прохоров.

Ну, я бы не стала называть те времена добрыми, подумала насмешливо Тамара. Но ничего не сказала, только слегка раздвинула губы в аристократически вежливой улыбке.

– Вы да я, только вот третьего в нашей компании не хватает, – задумчиво продолжал Прохоров.

Фраза-то у тебя, голубчик, получилась двусмысленная и в некотором роде зловещая, снова подумала Тамара. Мертвеца ему в компанию захотелось...

Но она опять удержалась от искушения уколоть его и смолчала.

Только потягивала итальянский вермут, пытаясь сохранить вежливую мину, хотя больше всего ей сейчас хотелось прямо поинтересоваться, что привело сюда Прохорова, который так старательно избегал ее общества весь последний год, будто она стала прокаженной?

– Хватит воспоминаний! – тряхнула она головой. – Лучше расскажи о себе. Как поживаешь? Что поделываешь?

– Снимаю, – сказал он, отчего-то вышло это у него печально.

– Фильмы? – вежливо поинтересовалась Тамара.

– Кабы фильмы, – развел он руками. – Клипы снимаю, рекламные... На одной минутке заработаешь больше, чем на полнометражке...

– Это смотря что снимать за полнометражку, – не удержалась Тамара.

– Нет, Тamarочка, нет! Я с этим завязал! – горячо заявил он, и Тамаре показалось, что в его голосе послышались нотки страха.

Да что это? Неужели и вправду боится даже вспомнить? Тамара усмехнулась.

– Ну, никто тебе и не предлагает, – сказала она. – Ладно, Леня. Давай без экивоков обойдемся. Говори, зачем пришел. А то я уже утомилась вежливость разыгрывать! Что-нибудь случилось?

Он вздохнул и развел руками:

– Ты всю жизнь, Тamarочка, была женщиной умной. Может, потому тебя Василий и ввел в дела свои... Без предрассудков ты была, Тамара!

– Леонид!

Тамара возвела глаза к потолку.

– Все, все... Что-то у меня с нервами не в порядке, Тамара! Человек один меня будто преследует! И я... Боюсь его, Тамара! Сильно боюсь...

Вечер подкрался незаметно.

За делами день всегда пролетает, как ветерок. Даже не успеваешь ощутить течения времени. «Вот так и жизнь пролетит за этими файлами, – подумала я, выключая компьютер. – И прожигать ее не надо. Не успею оглянуться – и мои буйные кудри из рыжих превратятся в седые...»

Если, конечно, мне угрожает старость.

Ларчик до самого конца молчал и сидел с такой хмурой физиономией, что я не выдержала и рассмеялась.

Он сразу поднял на меня глаза и недовольно спросил:

– Что?

– Так, – передернула я плечом. – Ты сейчас похож на задумчивого и печального слона.

– Господи, то я у тебя похож на жирафа, то на слона! Ты хотя бы реши для себя, на кого я похож!

– На обоих, – постановила я.

– На обоих нельзя. Слон толстый, а жираф худой, – поразил он меня своими познаниями в области зоологии.

– Вау! Мне удалось заставить тебя разговаривать! – воскликнула я. – У меня было опасение, что ты дал обет молчания до конца жизни.

– Ну, конечно! Начинается момент женской солидарности! – проворчал он.

– Да ничего подобного, – ответила я. – Просто ужасно интересно, по какому поводу ты так разгневался. Ведь ты не прав!

– В чем? – вытаращился он на меня.

– Ты же не хотел, чтобы она тащилась в Покровск ночью. Зачем тогда начал этот разговор? Ты просто устал и был раздражен. А женщины, ма шерИ, ненавидят, когда мужчины срывают на них раздражение, вызванное признанием слабости!

– Ух, какие же мы умные и психологичные!

– Сейчас я тоже начну обижаться, – пригрозила я.

Угроза возымела действие.

– Прости, – буркнул он. – Вы слишком тонкие существа...

– Ну, против этого трудно возражать, да я и не собираюсь.

Кстати, что там у вас за тип?

– Так, полная ерунда. Я склонен вообще считать его галлюцинацией этого психа Прохорова... Знаешь этого незадачливого режиссера? Который снял «Смерть на троих»?

– Ой, – вспомнила я. – Это тот занудный триллер?

– Ну да. Больше он, мне кажется, ничего снять не сумел и теперь лепит эти ужасные ролики с «памперсо-сникерсами».

– И что? Его преследуют памперсы?

– Нет, ежедневные прокладки, – фыркнул Лариков. – Вроде бы за ним следит какой-то тип. Не знаю, мы сегодня весь день протаскались за этим Прохоровым и никого не заметили. Начиная с ужасного, пыльного Покровска, между про-

чим! А Елизавета уверяет меня, что вчера она действительно видела типа, который следил за нашим Прохоровым! Мне кажется, она просто влюбилась в него, вот и подыгрывает!

– А мне кажется, что ты ревнуешь, – заметила я. – Вообще очень много развелось параноиков... Все почему-то решили, что за ними следят!

– Не понял. У тебя что, тоже проблемы? Неужели следить стали за Крашинским?

– Нет, – покачала я головой. – Но сегодня меня посетила некая дамочка с ужасной фамилией Дында, и она тоже уверяет, что за ней ходит по пятам странный мужчина, к тому же знаток непонятного языка. Прямо любовные романы какие-то с элементами готики!

– Подожди, как ты сказала? Дында?

– Да.

– В прошлом году убили какого-то Дынду, – задумчиво проговорил Ларчик.

– Это был ее муж.

– Да? Как интересно!

– То есть? – не поняла я его восторга.

– А дело было загадочное, так и не раскрытое. Если ты поговоришь со своим возлюбленным Ванцовым, он тебе больше расскажет. Я знаю мало. Но... В общем, там все было сработано под заказуху. До мелочей. Так талантливо, что все замерли в восхищении. Но убийцу не нашли, хотя у Ванцова были кое-какие соображения на сей счет. Он почему-то был

уверен, что это не заказуха. Он даже подозревал в совершении одного злодеяния его супругу. То есть ту дамочку, которая к тебе обратилась.

– Постой, – оживилась я. – А если этот тип хочет ее шантажировать? Предположим, Ванцов был прав и именно она пришила своего мужа, дабы прибрать к рукам «маленький», по ее выражению, бизнес? А тип в плаще просто-напросто что-то знает и теперь выбрал удобный момент и проявился в пространстве с дурными намерениями?

– Слушай, поговори обо всем этом с Ванцовым, а? Меня и так мутит от этих преследователей! Хотя мне ход твоих рассуждений не показался глупым и бестолковым!

Мне тоже.

Я закурила сигарету и начала разглядывать потолок в поисках мысли. Мои мысли, как бабочки, любят улетать в неизвестном направлении, и, так как единственной преградой для их вольных полетов является потолок, я привыкла смотреть именно туда в момент «великого обдумывания проблемы».

Мысль о том, что высокомерная Дында, похожая на барыню из «Муму», убила собственного супруга из материальных соображений, мне, безусловно, понравилась.

Воображение уже представило моему мысленному взору прекрасную картину: Тамара крадется с револьвером наперевес, и вот, когда ее супруг вылезает из «мерса», она целится ему в лоб и...

Стоп!

Нет уж, этот образ слишком изыскан для моей Дындочки!

Скорее всего она наняла киллера. Даже не киллера, а какого-нибудь бомжа, отчаянно нуждающегося в деньгах, чтобы опохмелиться.

А теперь, значит, этот бомж появился и преследует Тамару. Иначе почему бы ей все-таки не обратиться в милицию?

А ведь и правда! Обычно наши нувориши бегут в милицию при первом признаке опасности для их бесценной жизни! А Тамарочка-то не бежит, наоборот – предпочитает связаться с частным детективом, отдать сумасшедшие деньги, которые вся их порода любит пуще жизни, и что из этого вытекает?

Что у нашей Дындочки рыльце в пушку! Значит, версия о том, что именно она угрохала мужа, совсем не такая глупая.

– А ничего история, – сказала я, потягиваясь в кресле. – Не такая уж занудная, как показалась мне на первый взгляд! Пожалуй, завтра я займусь ею посерьезнее, а то сегодня я как-то не уделила ей особого внимания!

За окном уже стемнело.

– Сашка, а как ты думаешь, Лиза сегодня придет домой? – осторожно спросил меня Лариков.

Я закатила глаза и вздохнула.

– Ларчик, ну отчего все влюбленные такие идиоты? – сказала я. – Конечно, она придет. Не станет же она ночевать на улице! И вообще, оставь меня в покое, у меня свои проблемы с Дындой!

– Так рабочий день закончен, можно думать о личном, – окончательно удивил меня мой босс.

– Ты мельчаешь в моих глазах с каждой секундой, – холодно отрезала я. – Кто учил меня, что в нашем деле нет свободных минут?

– Ну... – протянул он задумчиво и весьма неопределенно, разводя руками.

– Ладно, я оставлю тебя на время в блаженном состоянии эйфории, – сказала я. – Когда-нибудь ты очнешься и увидишь, что, кроме твоей Лизы, в мире существует еще очень много людей. У них свои проблемы. В принципе, даже если поверить тебе, что настало время для личных дел, напомню, что мне есть чем заняться. С Пенсом!

С этими словами я натянула куртку и, послав ему воздушный поцелуй, вышла на сладостный зов ожидающего меня возле крыльца мотоцикла, за рулем которого был тот самый Пенс, которому я собиралась посвятить остаток вечера.

* * *

Прохоров вел машину привычно, почти не глядя на пустую дорогу.

Из головы не выходил разговор с Тамарой. Получается, преследуют не только его. Тамара не хотела признаваться в этом, но по ее глазам, в которых мелькнул страх, когда он рассказал ей о странном типе, он понял: с ней происходит

то же самое!

И эта догадка сейчас превращалась в уверенность, а уверенность...

Да уж, черт возьми!

Он крутанул руль. Мимо промчалась на сумасшедшей скорости парочка на мотоцикле.

Прохоров выругался им вслед. Он не знал, то ли он ненавидит молодость, так предательски бросившую его на растерзание надвигающейся старости, то ли ненавидит жизнь вообще...

Он подъехал к дому.

Остановил машину и вышел. Открыв дверь, он вошел. И застыл на месте.

Несмотря на темноту, царившую в комнатах, он понял: в его квартире кто-то был.

Из глубины комнаты доносились приглушенные звуки музыки, красивой и странной. Впрочем, он ее узнал. А узнав, попытался вернуться, сделал шаг к двери, чтобы рассказать Тамаре, кто этот человек и почему он пришел за ними.

Но он не успел.

Голос за спиной заставил его обернуться. Он не понял фразы, которую произнес этот баритон, и никого не увидел в темноте.

Только боль ослепила его внезапно, как вспышка. Но это длилось лишь одно мгновение. Последнее мгновение боли, еще связывающее его с жизнью.

Глава 4

Мотоцикл недовольно заурчал и затих.

Я сняла шлем и тряхнула головой. Легко перейдя границу, я теперь оказалась в ином измерении моей жизни.

Теперь моя работа была далеко. Она вернется в мыслях, но это позже. Пока я чудесным образом освободилась от нее на несколько часов.

Или несколько мгновений. Зависит обычно от сложности проблемы. Сейчас мадам Дында не казалась мне вероятной носительницей страшной тайны, способной меня сильно заинтересовать. По-этому я не думала о ней.

– Зайдешь? – поинтересовалась я у Пенса.

Он кивнул.

Мы поднялись по лестнице, я открыла дверь.

– Саша?

На пороге кухни стояла мама.

– Привет, – бросила я, стаскивая кроссовки. Единственная обувь, в которой Саша чувствует себя человеком. Интересно, когда я состарюсь, я продолжу таскаться по миру в джинсах и кроссовках?

– Добрый вечер, Галина Михайловна, – выговорил Пенс, глядя на мою мать с обожанием.

– Привет, Сереженька, – ласково ответила ему мама.

Господи, и как я еще не скончалась от ревности?

Мы протопали напрямиком на кухню, и мама постаралась обрушить в наши желудки целую кучу разных вкусностей.

– Ма, я собралась худеть! – взмолилась я. – Эх, нет на тебя нашей Дарьи!

– Ну и слава богу, что нет, – легкомысленно заявила мамочка. – Мне и тебя хватает. Кстати, если ты весь день ничего не ешь и при этом не похудела, значит, ты не сможешь похудеть вообще!

Обезоруживающая логика!

– А я, между прочим, нормально питаюсь, – проворчала я. – Сегодня вот была в кафе...

Черт, лучше бы я не вспоминала! Сразу выстроилась логическая цепочка воспоминаний, ведущая напрямиком к мамам Дынде.

Интересно, что-то она сейчас поделывает? Выглядела она всерьез напуганной, что для такой самоуверенной дамы весьма странно... Испугаться какого-то дяденьку в светлом плаще?

– Саша, ты у нас где?

Голос мамы прорвался сквозь мои мысли.

– Вроде как здесь, – вздохнула я.

– А мне кажется, ты все еще торчишь на работе, – усмехнулась мама. – Ужасно глупо с твоей стороны. Ты прямо японка какая-то!

– Почему японка? – удивилась я.

– Потому что японцы горят на работе. Так и ты – сгоришь

и не заметишь.

– Может, и сгорю, – рассмеялась я. – Ладно, ма, я приняла критику. Я вернулась в уютный домашний мир и пью чай. Вместе с вами.

В чем-то мама права. Моя голова работает постоянно. Даже тогда, когда от нее этого не требуют.

Может быть, поэтому некоторые вещи предстают передо мной в преувеличенном, гипертрофированном виде? Скажем, история той же Тамары Дынды.

Ну, нет! Не дам госпоже Дынде снова завладеть моими мыслями!

В конце концов, даже японцы имеют право на отдых!

* * *

Каллистратов поигрывал брелочком и смотрел на Нину. Вот чем хороши такие девочки, думал Каллистратов, так это наивным восторгом по поводу, например, этой дешевой забегаловки, которая кажется ей самым крутым ночным рестораном...

– Ты так загадочно улыбаешься, – сказала девушка.

Ну, да. Загадочно...

– Тебе это не нравится?

Каллистратов вложил в этот вопрос столько тайных знаков, что любая куда более искушенная девица не смогла бы остаться равнодушной к его голосу. Нина зарделась и опу-

стила глаза.

– Отчего же, – пробормотала она. – Ты мне... очень нравишься!

И тут же сама испугалась признания, забавляя Каллистратова.

– Ах, деточка моя, я бы мог сказать тебе, как я... Но нет! Чего-чего, а изображать «пламенные чувства» Каллистратов умел.

Он замолчал, и его глаза покрылись туманом печали. Начиналось самое приятное – момент игры. Каллистратов получал от этого куда больше наслаждения, чем от остального. Конечно, за все приходится платить, но зачем сейчас об этом думать?

Перед ним наивная девушка, прямо сошедшая с «романтических» страниц, глаза ее направлены на Каллистратова, и бог ты мой, как она смотрит! Конечно, грустно, что чаще всего именно ему выпадает сомнительная честь уводить наивных девиц из мира грез в мир реальности, но кому какая участь уготована, не так ли?

Это будет не скоро. Сейчас они сидят в кафе, и ее рука мирно покоится в его. Он подносит ее ручку к губам.

– Ты не договорил, – тихо напоминает она.

Он молчит.

Не потому, что не хочет продолжать, а потому, что забыл, о чем начинал говорить. Отвлёкся. Слишком погрузился в свои мысли.

Опасность быть разоблаченным не слишком его беспокоила – он выкрутится, и все-таки ситуация перестала выглядеть забавной.

– Не хочешь – не надо, – неожиданно пришла ему на помощь сама Ниночка. – К тому же ты прав. Наверное, говорить о чувствах еще рано, да?

Ну, конечно! Он выдохнул с облегчением. Они говорили о чувствах! О чем еще можно было говорить?

– Ни-ноч-ка... Ах, как же ты права! Ты меня совершенно не знаешь...

– Напротив, – серьезно возразила девушка. – Я очень хорошо тебя знаю. Мне о тебе все рассказали...

В душе замерцал огонек тревоги. «Осторожно, опасность!» Ну, конечно, подружки по «маленьким лебедям» уже вволю насплетничались...

– Нина, – начал он тихо. – Я...

Она приложила пальчик к его губам.

– Влад, неужели ты думаешь, я способна поверить сплетням? – прошептала она. – Они могут говорить все, что им заблагорассудится, это никак не повлияет на мои чувства к тебе!

Что-то странное шевельнулось в самой глубине его души.

Он боялся посмотреть в ее глаза, чтобы... Ну, да. Чтобы не стать слабым под действием этой чистоты. Чтобы горькая правда не победила его...

«Что я делаю? – родился в его сознании вопрос, настолько

странный для него, что он даже не прогнал его, застыв от удивления. – Что я делаю и зачем я это делаю?»

– Нина, – хрипло сказал он. – Пойдем. Я провожу тебя до дома...

– Почему? – округлила она глаза. – Впрочем, если ты так хочешь...

– Я не хочу, но... Так надо.

Он поднялся и теперь смотрел в окно, ожидая ее.

Что со мной происходит? Все идет ведь именно так, как должно идти...

Его мысли отказывались ему подчиняться.

Они вышли на ночную улицу, он держал ее руку в своей и быстро шел по направлению к шоссе.

Остановив машину, подождал, пока она туда сядет, потом оглянулся.

Черт!

Он не ожидал ее тут увидеть!

Она стояла, прислонившись к стене, и наблюдала за ними. Оттуда, из тени... Как змея, поджидающая момента, чтобы укусить!

Холодный пот выступил на лбу, он смахнул его ладонью.

– Ты едешь? – спросила Ниночка.

– Да, – решительно сказал он и сел в машину.

Он старался не оборачиваться, чтобы не встретиться с глазами той, которая знала его лучше остальных и поэтому обладала несомненной властью над ним.



Я последнее время ужасно не люблю ночь. Ночью в голову лезут разные идиотские мысли, и еще мне снятся кошмары. Слишком часто они мне снятся, наверное, потому, что это напрямую связано с моей работой.

Но спать все-таки надо, как ни сопротивляйся этому.

Раньше я любила засыпать, грызя яблоко и почитывая какой-нибудь детектив, но теперь я стараюсь читать что-нибудь далекое от мира, в котором мне приходится находиться. Невольно пришлось вернуться к классике, вот и сейчас я лежала, слушая тихонько «Призрак оперы» и читая Теофиля Готье.

От хорошей музыки и хорошей литературы душа понемногу возвращалась в состояние покоя – моя бедная встрепанная душа! Но сейчас она отдыхала, а вместе с ней отдыхала и я.

Глупые люди не уделяют своей душе необходимого внимания, отравляя ее «попсой» самого разного калибра, будь то музыка или чтиво. Но моей-то бедняге и так приходится несладко. Волею хозяйки она то и дело оказывается нос к носу с реальным и жестоким миром, где убийства считаются нормальными и все на свете оценивается в денежном эквиваленте, то есть она, представьте себе, иногда заболевает от этого, а вот следом... Это уж мое открытие. Следом

может заболеть и тело. Так что все взаимосвязано, господа мои, и если вы внезапно разболелись, ищите причину в вашем невнимании к собственной душе! Она у вас, простите, чем-то отравилась!

Ну так вот, прочтя очаровательную новеллу о Даниэле Жобаре, я немного пришла в норму и, выключив свет, осталась наедине с музыкой Эндрю Ллойда Вебера. Закрыв глаза, я стала погружаться в почти безмятежный сон.

Я была воздушной, как шарик, и парила где-то рядом с облаками, и мне было хорошо и сладко.

Тут-то он и начался, противный такой ветрюга, пытающийся опрокинуть меня назад, на землю. Я уцепилась за ближайшее облако и отчаянно сопротивлялась, потому что на землю мне возвращаться совсем не хотелось.

Внизу я видела эту Дынду, она протягивала ко мне руки и оглушительным басом требовала, чтобы я немедленно спустилась, потому что я нерадиво отнеслась к своим обязанностям и не подумала даже узнать, что за дядька за ней ходит как приклеенный.

Почему меня это все так ужасало, я объяснить не смогу. В снах у нас вообще странные реакции... Но я начала кричать, потому что облако меня не очень-то держало и я полетела вниз, прямо в Дындины объятия.

Вот так я и проснулась – брыкаясь и пытаюсь вырваться из одеяла, спутав его с Дындиными руками!

Было еще совсем темно, но никакого ветра не было – в

открытую форточку влетал совсем легкий ветерок и играл с занавесками, он был маленький, шаловливый и ласковый, одним словом – весенний.

Кассета кончилась, и в комнате царила полная тишина, нарушаемая лишь постукиванием форточки.

И какого черта мне приснилась Дында?

Я вздохнула. Нет, положительно она просто ведьма какая-то! Даже в сны умудряется проникать!

Пожалуй, своего мужа убила все-таки она сама.

Вот докопаюсь до истины, она не будет рада, что заявила в нашу контору, да еще и влезла в мои невинные сны!

Часы показывали половину пятого, а это значило, что можно еще поспать.

Я сладко зевнула, запретила себе думать о Дынде и вернулась в сон, на этот раз без ведьмы Дынды.

* * *

«Да, я пьяна, ну и что?»

Римма плохо держалась на ногах и чуть не упала на ступеньки. Тем не менее она продолжала проговаривать про себя обличительную речь, которую собиралась произнести сейчас, глядя в отвратительную рожу этого негодяя.

– Я пьяна, потому что только в таком состоянии с тобой можно разговаривать! Вот я и нализалась, так что...

Она забыла слова. И захихикала, опускаясь на корточки

перед дверью.

С трудом отыскав ключ, она с еще большим трудом вставила его в замочную скважину.

В комнате было темно.

– Но музыка играет, – проворчала Римма. – Эстет хренов... Сидит в темноте и мечтает...

Впрочем, стоило ей войти, как смолк последний аккорд.

Сейчас он затаился, как вражина, и готовит скандалчик...

Римма засмеялась.

«Ну и что, – скажет она ему. – Ты же сам меня выгнал, вот я и разгуливаю с кем хочу, когда хочу и где хочу! А ты сиди тут в темноте и слушай свой «Призрак оперы», потому что ты и сам скоро станешь...»

– Приз-ра-ком, – выговорила она.

Но затаился он капитально! Ни шороха, ни звука!

Если бы не музыка, Римма могла бы подумать, что он уже сто лет как спит.

Но в этот момент музыка началась снова, с самого начала, будто Прохоров сошел с ума и решил опять поставить «Призрак», дабы свести с ума и Римму.

Зря она вообще сюда заявила. Надо было отложить крутую разборку на завтра. Это ее пьяный раж сюда привел, а зря! Гад Прохоров, конечно, выйдет и на сей раз победителем.

Кажется, он что-то придумал.

Римма не любила отступать, да и отступать было некуда.

Поэтому она набралась храбрости и открыла дверь в темную комнату, откуда доносилась музыка.

Прохоров сидел в темноте в дурацкой позе, словно его посадили в кресло и привязали.

Римма видела только очертания его фигуры, а взгляд терялся во тьме, поэтому она набрала в легкие воздуха и выпалила:

– Можешь не трудиться сообщать, что ты думаешь по моему поводу, я сама все знаю! Собственно, я пришла за вещами.

Он молчал. И не двигался.

Рука Риммы потянулась к выключателю.

– Я включу свет? – спросила она. – Господи, да сделай же музыку потише! У меня сейчас уши заболят и горло, потому что я не могу так орать!

Он по-прежнему не отвечал.

Черт, будто я с трупом разговариваю, подумала Римма и включила свет.

Прохоров сидел в кресле и смотрел на нее совершенно пустыми глазами. Никакой реакции у него и быть не могло, потому что Римма на самом деле разговаривала с трупом.

– О боже...

Римма опустила на пол и поняла – ей страшно. Очень страшно смотреть на этого человека, сидящего напротив нее в такой неестественно замершей позе, будто его посадили в

это чертово кресло, как тряпичную куклу.

И еще...

Она оглянулась, но в комнате больше никого не было.

Она осторожно поднялась и, стараясь не дышать, тихо прошла внутрь, туда, где стоял музыкальный центр с CD-проигрывателем.

Если в комнате не было никого, кроме мертвого Прохорова, кто же только что включил музыку?

– Бог мой, прямо мистика какая-то, – выдохнула Римма и нервно рассмеялась.

Ну, вот и истерика, с ужасом подумала она.

И чтобы хоть как-то удержаться в мире реальности, она бросилась к телефону и набрала номер милиции.

Самая страшная реальность была все-таки лучше сумасшествия, к которому она приблизилась на опасно близкое расстояние...

Она, как все нормальные люди, не очень-то любила родную милицию, но уж лучше находиться в обществе людей, чем в обществе трупа и слушать музыку, которую у Риммы не хватало смелости выключить.

Глава 5

Глядя за окно, хотелось пропеть «утро туманное»... Именно таким оно сегодня и было – туманным и седым. Настроение у меня по утрам и так не очень хорошее, а уж в такой-то унылой серости больше всего на свете хочется опять плюхнуться в кровать, послать окружающий мир подальше и не подниматься, пока господь не наладит погоду.

Но надо было вставать, пить кофе, чтобы хоть немного привести себя в чувство, и мчаться на автобус, поскольку дела, дела, дела кружились над моей головой, как стая черных ворон. И, хотя я не считала их великими, делать их было надо.

Поэтому, одним глотком выпив кофе, я выскочила на улицу и бегом помчалась на остановку.

Мне-то опаздывать не дозволяется!

Автобус пришел быстро, доехал тоже быстро, я так же быстро поднялась по ступенькам, промчалась мимо Дашки, бросив на ходу «привет», и уселась на свое место.

– Тебе звонили, – сообщил мне Лариков.

– Кто?

– Женщина, – лаконично ответил он. – Думаю, та самая, которую кто-то преследует. Дында эта самая...

О боже!

Как-то вылетела она у меня из головы. Я набрала ее номер

и зажмурилась, ожидая, что сейчас на меня посыпется град упреков. И несмотря на то, что мне очень хотелось разжиться деньгами, у меня не было никакого желания этой самой Дындой заниматься.

Но, вопреки моим скверным предчувствиям, она была сегодня неожиданно тихой, покладистой и смиренной. Я даже устыдилась своего негативного отношения к этой женщине.

– Алло? – произнесла она совсем не тем тоном, каким разговаривала вчера.

– Тамара Николаевна? – переспросила я.

– Да, это я.

– Это Саша Данич. Вы просили меня позвонить.

– Да, я помню, Сашенька... Нам надо поговорить.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Мне к вам подъехать?

– Если вас не затруднит. Кстати, вы ничего...

Она затаила дыхание и почти шепотом закончила фразу:

– Ничего не узнали о том человеке?

– Пока нет. – Я скрыла, что и не пыталась пока этого узнать.

– Ну и ладно. Может быть, мне все просто кажется таким страшным, а на самом деле...

Она явно изменилась!

– Давайте я к вам приеду, и мы все обсудим, хорошо?

– Да, конечно. Я вас жду.

Я положила трубку и подумала о Ванцове, но потом решила, что сначала я все-таки съезжу к Тамаре Николаевне –

вдруг и правда ее проблема потеряла актуальность?

Мысли эти были сладкие, как карамельки. Я даже немного расслабилась, нахально воображая, как Дында платит мне за сутки положенные двести баксов, а я при этом и палец о палец не ударила. Все-таки хорошо иметь дело с людьми, обладающими болезненным воображением и различными магиями!

Я, признаться, не очень-то верила в преследователя. А если преследователь и наличествовал, то вряд ли был злоумышленником. Хотя...

Я начала обдумывать и вариант злоумышленничества и, признаться, стала испытывать угрызения совести. Впрочем, о плохом думать не хочется никогда, поэтому слабые укоризненные голоса в моей душе быстро были притушены несокрушимым здравым смыслом. Если бы преследователь Дынды вправду хотел причинить ей зло, он давно бы это сделал. Впрочем, я все-таки попробую в этом разобраться.

И в этот момент в наш тихий кабинет ворвалась Лиза. Смотреть на нее было страшно. Как если бы Лиза ужасно испугалась увиденной шаровой молнии. Впрочем, она и в наш «омут» влетела, как шаровая молния.

Похоже, они с Лариковым не помирились, вздохнула я про себя. Моя жизнь между двумя огнедышащими драконами явно в опасности...

– Андрюшка, ты и представить себе не можешь, что произошло! – выпалила она и залпом выпила мой кофе.

Потом она перевела дух и продолжила:

– Нет, это же надо, как мы прокололись! Черт побери, надо же! Нет, кто мог это ожидать?

Ларчик посмотрел на нее и попросил:

– Лиз, успокойся, а? Иначе я не смогу узнать, что, где, когда и с кем произошло!

– Да его убили, представляешь?

– Кого?

– О господи! – простонала Лиза. – Да Прохорова же! Убили! Сегодня ночью! В собственной квартире!

* * *

Римма очень устала.

Этот симпатичный рыжий оперативник был вежлив, но по его лицу Римма догадалась, что именно ее он подозревает.

«Странно, – подумала Римма. – Я же сама ему сказала, что мы с Прохоровым поссорились, что Прохоров собирался меня бросить... Стала бы я так старательно переводить все стрелки на свою персону, если бы и впрямь была убийцей?»

– Так музыка играла?

– Да, когда я вошла, музыка играла, и меня это сначала очень удивило... Понимаете, Прохоров ведь почему-то ужасно не любил «Призрак оперы»! Он даже мне не особенно разрешал его включать, хотя это...

Она осеклась.

Сейчас она чуть было не сказала «мой диск». Тем самым она окончательно утвердила бы этого типа в подозрениях на свой счет. И диск ее... И никого ты не убедишь, что стрелять не умеешь, а револьвер в твоём воображении похож на изящную игрушку из фильмов.

– Послушайте, – не выдержала она. – Почему вы на меня так смотрите? Вы что, думаете, это я его убила, да?

– Ничего я не думаю, – ответил он. – Сейчас меня интересует музыка. Вы утверждаете, что в квартире никого не было, так?

– Так, – кивнула она. – Но убийца, видимо, запрограммировал проигрыватель. Понимаете, он же сделан по новейшему слову техники...

Она снова осеклась.

Черт побери, ну кто ее тянет за язык?

Собственно, следующий вопрос она предчувствовала.

– Тогда у нас получается, что человек, убивший господина Прохорова, неплохо знал его. Поскольку он запрограммировал проигрыватель. Зная, что это можно сделать.

Снова все сошлось на ней!

– Сейчас каждый дурак знает, что проигрыватели выпускают с «программами», как компьютеры, – проговорила она, опуская глаза.

Над ее головой сгустились тучи. Какого черта она вообще притащилась сюда ночью, одержимая нетрезвой идеей кинуть гаду Прохорову в рожу ключи?

«Вот и кинула, – невесело усмехнулась она. – Теперь ты сядешь, милая, и, что самое обидное, даже в удовольствии убить эту падаль ты себе отказала!»

– Уж лучше бы я и взаправду это сделала, – выдохнула она, тоскливо глядя на рыжего следователя. Вполне симпатичный парень, жаль только, что именно ему выпадет счастье круто переломить ее жизнь. – По крайней мере, вы бы меня за дело посадили...

– Римма Андреевна, почему вы все время напираете на то, что я собираюсь вас куда-то посадить? – не выдержал опер. – У нас, между прочим, тюрьмы и без вас переполнены! Так что успокойтесь, ради бога, и поймите, что, если я задаю вам вопросы, это совсем не потому, что плету вокруг вас тонкие нити интриг и заговоров! Я просто пытаюсь разобраться, что тут произошло сегодня ночью! Например, понять, кто был заинтересован в его смерти. Были такие люди?

– Были, – вздохнула Римма.

– И кто?

Он не сводил с нее взгляда.

«Надо же, – подумала Римма, – у этого типа даже глаза какие-то рыжие. С ума сойти!»

– Лучше спросите меня, кто не входил в число людей, испытывающих к Прохорову резкую антипатию.

– Хорошо, давайте поставим вопрос так.

– Я таких не знаю, – нервно рассмеялась Римма. – Этот тип обладал гениальными способностями. Все, с кем он зна-

комился, подпадали под его обаяние и начинали страстно его любить, чтобы потом, спустя некоторое время, столь же страстно его возненавидеть.

Ванцов устало вздохнул.

Нет, уж если у кого и были гениальные способности выматывать человека, так это у девицы, сидящей напротив него.

– Римма Андреевна, я прошу вас! Назовите мне хотя бы одного из тех, кто его вот так, как вы описываете, страстно ненавидел! Потому что у этого человека, возможно, имелись и причины избавиться от гражданина Прохорова!

– Я, – развела руками она. – Представьте себе, именно я была крайне заинтересована в смерти гражданина Прохорова!

* * *

– Подожди-ка, – озадаченно пробормотал Лариков. – Как это Прохоров убит?

Я не знала, кто у нас Прохоров и почему они оба выглядят так, словно Прохоров был их родным дядюшкой. Если уж на то пошло, у меня были дела, поэтому я попыталась ретироваться, но Лиза цепко ухватила меня за руку.

– Сашка, ты будешь очень-очень нам сейчас нужна!

Я покорно села на место. Связываться с нашей Елизаветой никто в здравом рассудке не будет, зная ее горячий нрав.

К тому же мне стало любопытно, по какой причине они

так всполошились.

– И откуда ты это знаешь?

– Я как раз вознамерилась его посетить, – сказала Лиза и вытащила из моей пачки сигарету.

Клептоманка какая-то!

– И?

– У него там бродят люди в ментовской форме и виднеется прелестная ванцовская рыжая башка. – Лиза выпустила дым и сделала реверанс в мою сторону. – Прости, дорогая... Не хотела тебя обидеть.

– Некоторые гордятся таким цветом волос, – холодно отрезала я, накручивая на палец рыжую прядь. – Я недавно ехала в трамвае и обнаружила, что блондинок у нас, как собак нерезаных. А рыжих – раз-два и обчелся!

– Ну и слава богу... Естественно, светиться мне там не хотелось, а посему я спустилась вниз и, прикинувшись праздной зевакой, выведала у местных матрон, что нашего с тобой психа Прохорова убили! Вот так, мой хороший, мы прокололись, если не сказать хуже!

– Да уж, – крикнул Ларчик. – А мы-то думали, у него это галлюцинации... Значит, его и впрямь преследовали?

Ого! Я напрягла слух. Так это, получается, тот самый тип, из-за которого они мотались по Покровску? Если учесть, что ситуация у них была отдаленно схожа с моей, то... Мне стало нехорошо.

– А зачем тебе Сашка?

– Она дружит с Ванцовым. Только она может разговаривать с этим занудой, – заявила Лиза. – Я и помыслить не могу потащиться к этой рыжей сволочи, к тому же он отвечает мне взаимностью и ничего не скажет. А с Сашкой у него полнейшее взаимопонимание, и он выложит ей все как на духу.

– Ну, и какой в этом смысл? Нам теперь все равно никто не заплатит...

Взгляд Ларикова был сейчас печальным, и эту фразу он произнес таким безнадежным голосом, что мне даже стало его чуть-чуть жаль.

– А честь мундира? – вскипела Лиза. – Нет уж, Андрей Петрович, вы как хотите, а я должна поймать убийцу, раз уж не смогла поймать этого типа до совершения преступления!

– А его теперь Ванцов поймает, – не удержавшись, подколола я ее. – И к тому же мы не имеем права совать свой нос в расследование, если дело уже у «убойников».

– Ну, ты-то имеешь, – хмыкнула Лиза. – Насколько мне известно, ты у них там нечто вроде внештатного сотрудника?

– Теперь я точно ничего делать не буду, – обиделась я. – Тем более у меня забот полон рот. Сами не разобрались вначале – сами разбирайтесь теперь!

С этими словами я гордо выпрямилась и пошла к выходу.

– Саша! – попытался остановить меня Лариков.

Но я сделала вид, что не слышу.

Ну уж нет! Если у меня появилась возможность заткнуть самоуверенную Лизу за пояс, я свой шанс упускать не соби-

раюсь!

* * *

– Да, именно я была заинтересована в его смерти.

Девушка упрямо вздернула подбородок и посмотрела в глаза Ванцову с дерзким вызовом.

И что мне делать с ней? – подумал Ванцов. Она словно нарочно старалась его разозлить.

– Хорошо, только успокойтесь, – попросил он ее. – Почему вы так были в этом заинтересованы?

– Во-первых, квартира...

– Римма! – запротестовал Ванцов. – Вы глупости говорите! Квартира ваша, только обстановка его. Да вы и не из тех людей, которые убивают из-за квартиры!

Она задумалась. Наконец ее озарило, и она улыбнулась.

– Потому что он меня достал, – объяснила Римма. – Ваш Прохоров относился к самому мерзкому типу людей... Нет, даже людишек! Таких, знаете ли, подлых, самовлюбленненьких. И вот еще что я вам скажу! Его давно следовало кому-то убить, и без него воздух стал чище! Вы ж не дышали с ним одним воздухом и не можете поэтому оценить истинность моих слов!

Выговорившись, она сердито посмотрела на Ванцова и откинулась на спинку кресла.

– Знаете, я оценил вашу горячность, но ни черта не понял

из пламенной речи, – развел тот руками. – Более того, я знаю многих людей, которых наградил бы теми же эпитетами, но из этого не следует, что я стану бегать с револьвером, выжидая момент, когда их можно убить...

– Они вас просто не сильно достали! – упрямо сказала Римма. – Они вас, значит, не так унижали, как унижал этот тип! И не ждите от меня игры – что я сейчас вспомню знаменитое «о мертвых либо хорошее, либо ничего», потому что тогда вы еще подумаете, что этот человек... Тьфу, даже не хочется называть его человеком! Этот поганец – несчастненькая жертва злодея! Скорее всего он умудрился достать еще кого-то, и не думайте, что я брошусь помогать вам разыскивать этого несчастного! Наоборот, если я догадаюсь, кто это сделал, отнесу ему огромный букет роз!

– Ну, что ж, – улыбнулся Ванцов. – Придется дожидаться этого момента, чтобы проследить, куда вы двинетесь с вашим букетом!

Римма вспыхнула и окинула его долгим презрительным взглядом.

– Нет уж, – заявила она. – Я не стану помогать вам в поимке этого человека!

– Тогда мне придется арестовать вас за сообщничество, – рассмеялся Ванцов. – Римма Андреевна, вы ведете себя, как ребенок! И почему я у вас выступаю в роли какого-то злодея? Потому, что выполняю свою работу? Это так плохо?

– А у вас плохая работа, – мрачно улыбнулась Римма.

– Ну, у меня на этот счет собственное мнение... Например, когда мы поймали маньяка, который убивал детей, никто почему-то не считал нашу работу плохой!

– А если я вам кое-что скажу о Прохорове? – Римма подалась вперед.

– Скажите, – кивнул Ванцов. – Только, пожалуйста, скажите мне нечто более существенное, чем ваши вердикты относительно прохоровской недоношенности, ладно?

– О, не беспокойтесь... Я скажу вам, почему я считаю справедливым, что кто-то его убил...

Она достала сигарету и огляделась, будто боялась, что из темного угла снова донесутся звуки «Призрака оперы» и появится убиенный Прохоров собственной персоной.

– Я жду, – напомнил Ванцов.

Она закурила и тихо сказала:

– Мы первый раз встретились с Прохоровым в Москве. Шесть лет назад. Мне тогда было восемнадцать лет, и я была полной идиоткой... Мечтала о кино и так далее... В театральное я сразу не поступила, зато в коридоре столкнулась с господином, который предложил мне маленькую сделку... Я снимаюсь в кино, а он помогает мне с поступлением. Слава богу, я все-таки доперла, несмотря на юношеский кретинизм, что за «кино» мне предлагают. Я отказалась. А моя подруга согласилась. Кино оказалось тем самым, что и ожидалось. Делалось специально для нашей, так сказать, политической элиты. Катюха начала катиться по наклонной – нар-

кота, которой ее накачивали, а спустя год ее выкинули с этих съемок. И еще там что-то произошло. Короче, всю эту контору закрыли. Где сейчас Катерина, я не знаю. Мы с ней обе приехали в Москву из Тарасова. Может быть, она вернулась? Ничего не знаю. Ну, так вот. Я поступила на следующий год, без помощи добрейшего того господина, закончила и спустя год встретила снова с тем самым типом. Только теперь он был режиссером клипов. Ну, этих кретинских... «Диролы» и прочая дребедень. Вы скажете, как же я могла связать свою судьбу с этим человеком? Я была уже другой. Жизнь в столице – она, знаете ли, лишает определенных иллюзий! Мы приехали сюда, и вот тут с ним что-то случилось. Он все время кого-то боялся. Оглядывался по сторонам, а потом я случайно узнала, что он, оказывается, раньше жил здесь! Представляете?

Ванцов кивнул.

– И что в этом удивительного?

– Как что? – удивилась Римма. – А разве вам не странно, что за все время нашего с ним общения, которое было, как вы можете догадаться, достаточно тесным, он ни разу не упомянул, что тоже родом из Тарасова?

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что здесь что-то произошло, – проговорила задумчиво Римма. – Что-то, чего он, как это ни странно звучит в применении к этой персоне, очень и очень стыдился!

Каллистратов лениво потянулся и взял трубку.

«Без Дины все-таки плохо, – подумал он. – Приходится совершать целый ряд бессмысленных и хаотичных движений...»

– Алло.

На другом конце провода молчали.

– Алло...

Каллистратов начал раздражаться:

– Перезвоните, вас не слышно.

– Profanum vulgus. – Тихий голос заставил Каллистратова вздрогнуть.

– Я...

Он перевел дух и закричал:

– Я вас не понимаю! Что вы...

– Одна птичка в силке, очередь за тобой!

Щелчок.

Трубку повесили.

Каллистратов вытер ладонью пот со лба и повторил:

– Профанум вульгус? Что это такое-то?

Но он был готов поклясться – когда-то очень давно он уже слышал именно этот голос, и произнес он именно эти слова!

Но кто? Где? Когда?

Он не мог найти ответа! Не потому, что у него никогда не

было врагов, а потому, что их у Каллистратова было слишком много! И от этого было еще страшнее...

Глава 6

Туман начал рассеиваться. Солнцу удалось пробиться по-немногу, отчего небо стало какого-то зловещего темно-серого оттенка.

Я шла по улице и решала – идти мне прямо к моей несравненной Дынде или все-таки заглянуть на место преступления в надежде застать там Ванцова и раскопать что-нибудь ценное.

Решающим обстоятельством послужило то, что улица Польская была прямо по дороге к дому Дынды, а именно там находился «объект», посему я все-таки поддавалась искушению и остановилась перед огромным элитным домом с полукруглыми балкончиками. И задумалась.

В принципе я ничего, кроме времени, не теряю. Ситуация была аналогичной, один в один с Дындиной, как я уразумела. Кто знает, может быть, мне удастся найти подсказку?

Ну, а решающим фактором все-таки была возможность утереть нос этой гордячке Лизе, которую превозносили как самую талантливую в мире сыщицу! Прямо Пуаро в юбке! Все вообще почти забыли, что на белом свете есть и Саша Данич... Вроде бы я и не талантливая совсем и представляю из себя только слабую тень Лизы.

Последняя мысль показалась мне настолько обидной, что я резко повернулась и вошла в подъезд, который был сейчас

открыт.

Как любит говорить моя мама, если у Саши есть возможность найти приключения на свою бедную головушку, она не преминет это сделать.

Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед приоткрытой дверью, из-за которой раздавались два голоса: мужской и женский. Женский звучал взволнованно, я бы даже сказала, истерично, а мужской...

Этот голос я узнала сразу. Даже не голос – интонации... Такие занудные интонации были только у возлюбленного моего брата по несчастью – Лешеньки Ванцова.

* * *

Звонок в дверь.

Каллистратов вздрогнул. Медленно повернувшись в сторону двери, сделал шаг, но остановился.

В его глазах застыл страх.

Теперь все изменилось. Там, за дверью, притаилась смерть. Собственной персоной.

– Что мне делать, господи? – пробормотал Каллистратов, беспомощно озираясь в попытке найти средство защиты.

Господь молчал. Каллистратов не интересовал господа. Каллистратов интересовал только убийцу.

За что?

Это остатки его души кричали «за что», моля о пощаде.

Разве не этот чертов мир заставляет нас предавать самих себя, опускаться все ниже и ниже – пока не упадешь лицом в грязь, но сначала – на колени, приняв его – мира – зловоние за зловоние собственной души, позволяя ему – миру – эту душу уничтожить...

Оч-ченно хочется кушать, вспомнилось Каллистратову. Эта улыбочка – такая омерзительная, да как же, Владик, я тебя понимаю, мерзопакость все это, да ведь кушать-то надо, хочется получше, пожирнее – чтобы не выпасть из общей кучи, которая прет напролом в надежде отхватить свой «кусочек пирога». И не важно, чем ты торгуешь, Владик, – мозгами, телом своим накачанным или сигаретами... Интеллект в нашей стране – не ходовой товар. Поэтому благослови свой торс и то, что пониже торса и еще ниже – какова, извините, у нас «попа», таков и гонорар... В ходу-то «клубнички-малинки» да девицы гнусавые, словно у них гайморит. Никому нет дела, что скрывается под твоим торсом и есть ли там вообще что-то, кроме желудка. Желудок после члена самое главное в местном бомонде.

Кажется, я просто обожрался этого дерьма, тоскливо подумал Каллистратов. Раньше у меня не было никаких рефлексий по этому поводу – только презрение, а теперь я не могу заснуть без барбитуратов. Перед сном – непременно голые бабы и какие-то жуткие сцены, в которых меня имеют во все дыры...

Главной там всегда – она. И сейчас он поморщился – так

и следит, то из темного угла, то в сны забирается, словно...

– Хочет заставить навечно заткнуться, – пробормотал он. Может быть, именно этого и хочет?

Снова звонок...

Каллистратов наконец нашел то, что искал. Выдернув шнур из розетки, схватил в руки огромную старинную лампу из бронзы и, приободрившись, шагнул к двери.

Одна рука на дверной щеколде, другая сжимает тяжеленную лампу.

Правда, по дороге он чуть не споткнулся о провод, покорно следующий за лампой, и чертыхнулся.

Теперь в дверь звонили настойчиво, громко, и Каллистратов открыл, крепче сжав лампу, занося ее для удара.

– Господи! – выдохнула Дина, в ужасе таращась на фигуру Каллистратова с лампой в руке. – Что с тобой, Влад? Почему ты вцепился в эту дурацкую лампу?

Он опустил лампу и нервно рассмеялся.

– Лучше помоги втащить сумку с продуктами, – попросила Дина. – Я дико устала.

Он поставил лампу на пол и внес сумку.

Дина расстегивала плащ, продолжая смотреть на него с испугом.

– Влад, что с тобой, а?

Ее прохладная рука дотронулась до лба Каллистратова.

– Все в порядке, – отмахнулся он.

– Ты выглядишь так, будто услышал крик Баныши, – за-

думчиво проговорила Дина.

– Давай обойдемся без твоих бурятских легенд! – огрызнулся он.

– Это не бурятская, – улыбнулась она. – Это Ирландия, дружочек. И Шотландия. Баньши – это по легенде женщина вроде Мойры. Когда за человеком ходит смерть, она кричит, понимаешь? Ее просто зовут так – Баньши... Говорят, она очень красивая. Как я.

Она легкими шагами прошла на кухню.

Каллистратов поплелся за ней.

Ах, конечно, Дина – филолог. Она должна многое знать. В том числе и языки...

– Послушай, а что такое «профанум вульгус»? – поинтересовался он.

– По-латыни это означает «невежественная чернь», – ответила Дина. – Что это тебя вдруг заинтересовало?

– Услышал случайно. – Что-то удерживало Каллистратова от откровенности. В Дине было нечто странное, будто она и была этой Баньши, – странный взгляд, загадочный и грустный. А ведь он о ней ничего не знает! Встретились случайно, в тусовке у Маркизовой. Как быстро она согласилась жить с ним! Почему? Судя по ее хладнокровию, о дикой и необузданной страсти говорить не приходилось.

Любовь?

Да, она терпела все его выходки, оскорбления и унижения – и он удивлялся этому.

Красивая, как эта ее Баньши?!

Ему хотелось грубо развернуть ее к себе, встряхнуть, пытаясь разбить ее восточную невозмутимость, и спросить: «Кто ты?»

Он так явственно представил это, что не заметил, как слова быстро слетели с его уст:

– Кто ты?

Она обернулась и теперь смотрела на него с таким удивлением, что он понял: все его мысли – лишь последствия страха.

– Да что с тобой, Влад? Ты наконец-то решил поинтересоваться, кто я? А раньше ты этого не знал, да?

– Ты никогда не рассказывала мне о себе, – выдавил улыбку Каллистратов.

– А ты интересовался? – усмехнулась в ответ Дина. – Ты вообще интересуешься кем-то, кроме своей персоны?

Она вынимала из сумки свертки, пакетики – яркие и красивые, они занимали свои места в холодильнике, а на плите кипел чайник.

– Сейчас поинтересовался, – сказал Каллистратов.

– А я хочу кофе, – пожала плечами Дина. – Я и сама уже не помню, кем я была до встречи с тобой, Влад! Но кем-то я была, точно. Это теперь я никто. Твоя тень. И давай больше не затрагивать эту тему, ладно?

– Почему ты меня не бросаешь?

Он и сам удивился, как эти слова слетели с губ. Тихо, по-

что неслышно, но Дина услышала.

Вскинув на мгновение свои странные глаза, она ответила:

– Понятия не имею, Каллистратов. Сначала я тебя любила, а потом... Наверное, привыкла. Привыкаешь ведь к любому плену.

Она налила себе кофе и сделала маленький глоток.

– Давай не будем копаться в душе, прошу тебя! Сейчас это похоже на нож хирурга, надо было раньше, наверное! А сейчас...

Она махнула узкой ладошкой и закончила:

– Сейчас и тебя, и меня от полного разрушения спасет только одно...

Она грустно усмехнулась.

– Что? – спросил хрипло Каллистратов, невольно подавшись вперед.

Он жаждал услышать ответ и боялся этого.

– Баньши, – прошептала Дина, странно и неприятно усмехаясь. – Нас с тобой теперь может спасти только Баньши, дружок!

* * *

Открыв дверь, я осторожно вошла.

Ванцов сидел за столом, а напротив него располагалась светловолосая девушка, которую можно было бы назвать красавицей, если бы не покрасневшие глаза и не взъерошен-

ный вид. Видимо, Ванцов уже успел довести несчастную своим занудством до белого каления.

Ничего в том удивительного нет – не зря же на переговоры с Лешкой всегда посылают меня. Я единственный человек, который относится к нему с пониманием, и вследствие этого – единственный человек, к которому Лешенька относится с нежностью.

Впрочем, сейчас в его глазах была не нежность, а удивление.

– Сашка? – пробормотал он. – Ты откуда взялась?

– Ты мне нужен, а мне сказали, что я смогу найти тебя по этому адресу, – беззастенчиво солгала я.

– Ну, заходи. Чего у тебя там случилось?

– Потом, – отмахнулась я, с любопытством оглядывая квартиру Прохорова.

Ничего себе он нажился на рекламе! Может, мне попытаться заняться рекламой? Квартирка была очень недурственная. Правда, вкус его мне показался странноватым, ну так у снимающего рекламу и самый изысканный вкус превратится в ширпотребный!

Несчастный убиенный явно страдал нездоровыми фантазиями, воображая себя королем Людовиком! Во всяком случае, квартирку он обставил, наивно полагая, что теперь она похожа на Версаль. Только толстозадых статуй не хватало. Кресла с виньетками, обивка мебели – вся с пастушками, под старинные гобелены!

– Тогда подожди меня, я скоро. – Ванцов расценил мое нежелание объяснить, зачем он мне нужен, как нежелание говорить об этом при постороннем человеке.

Я же просто еще не придумала, зачем он мне так срочно понадобился. Это одна из моих слабостей – действия обгоняют мысли. Сначала сделаю, потом думаю.

Я села в кресло и взяла в руки какой-то журнал с голыми одалисками, делая вид, что беседа Ванцова с девицей меня нисколько не интересует. Впрочем, они явно тоже не желали разговаривать при посторонних. Поспешно свернули беседу, и Ванцов теперь стоял, уже прощаясь.

– Наверное, вас еще придется побеспокоить, Римма Андреевна, – словно оправдываясь, проговорил Ванцов, отчаянно при этом краснея.

Ого!

Я вытаращилась на него с удивлением.

Похоже, весна лишила рассудка не только моего босса.

Если они все будут побеждены страстью, останусь я в гордом одиночестве. Преступники разгуляются, почувствовав полную безнаказанность, и мне придется бегать за всеми ними в одиночку!

Грустная перспектива, однако!

– Пойдем, – сказал он мне.

Мы вышли на улицу.

– Ну, рассказывай. Что у тебя приключилось?

Наконец-то я вспомнила, что я могу у него спросить!

– Дында, – сказала я. – Василий Дында. У тебя есть какие-нибудь сведения по его убийству?

* * *

Он должен был позвонить. И не звонил...

Тамара ощущала беспокойство. Она стояла у окна во двор и нервно курила одну сигарету за другой.

Во дворе было тихо и так спокойно, что отчего-то на ум пришло сравнение с затишьем перед бурей.

Почему Прохоров не звонит?

Она затушила бычок в изысканной пепельнице, чтобы закурить новую сигарету.

Во дворе какая-то женщина выгуливала мопса да еще юная мамаша качала коляску.

– Ма!

Она обернулась на голос.

– Я пошел.

Сколько она вытерпела ради своего красавца сына! Черты его лица были восхитительны, правильны и напоминали черты лица юного Давида.

– Будь осторожен, – прошептала она.

– Господи, ма! – поморщился он. – Ты и сама не знаешь, чего ты боишься! Скоро начнешь шараться от собственной тени.

– Может быть, и так, – кивнула Тамара и чуть было не на-

рушила данный себе много лет назад обет никогда не говорить о ТОМ случае, но вовремя прикусила язык.

– Держи нос по ветру, – улыбнулся он.

Дверь хлопнула.

Тамара осталась одна. Она какое-то время еще стояла у окна, провожая взглядом его сутуловатую фигуру.

Он не был похож на мужа. Он был похож на нее. Как две капли воды...

Может быть, поэтому она так его любила? Как свое отражение...

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть, вырывая из мира собственных мыслей.

Она подняла трубку.

– Алло?

Молчание.

– Я вас слушаю.

Она начинала испытывать раздражение.

– Да говорите же!

Раздражение сменилось настороженностью, перерастающей в страх.

– Говорите!

– Профанум вульгус. – Голос говорившего был глух, и она даже не могла понять, мужской это голос или женский. – Пришла пора заплатить, профанум вульгус!

Трубку повесили раньше, чем она успела спросить, кто это.

Она попыталась успокоиться.

Чьи же это шутки?

Повинуясь непреодолимому желанию побороть свой страх, она набрала прохоровский номер.

Трубку взяла его подружка. Кажется, ее звали Риммой.

– А Леонид дома? – спросила Тамара Николаевна.

– Его больше нет.

Она почувствовала, как по спине холодной струйкой стекает пот.

– Как? – переспросила она, вопреки здравому рассудку, который кричал: не спрашивай об этом! Не спрашивай!

– Его убили сегодня ночью, – устало сказала девушка. – Простите, если вам что-то хочется узнать, звоните в милицию лейтенанту Ванцову. А я безумно устала и ничего не знаю.

Девушка повесила трубку, оставив Тамару Николаевну наедине с собственным страхом и ставшими такими ощутимыми и реальными дурными предчувствиями.

Она чувствовала себя так, будто ее только что приговорили к смерти.

– За что? – простонала она. – Господи, за что?!

За окном безмятежно пели птицы, и чей-то голос настойчиво интересовался, есть ли в магазине биокефир.

– Такая мирная жизнь, – усмехнулась Тамара.

Впервые за много лет она вдруг остро позавидовала обывательской, «лоховской» жизни, пусть не такой обеспечен-

ной, как у нее, но любой из этих обывателей спокойно засыпал, зная, что утром он проснется.

А она?

Проснется ли она завтра утром?

Или про нее скажут, как про Прохорова: «ее убили»? А если, докопавшись до правды, убьют не ее? А...

Тамара закрыла глаза, вспомнив, как шел по двору ее сын.

– Нет, этого я не могу допустить, – простионала она, пододвигая к себе телефон. – Не могу!

Глава 7

Ванцов повел себя немного странно.

Он скосил глаза в сторону, пробурчал что-то себе под нос, а потом спросил у небес, не решаясь, как видно, обратиться ко мне напрямую:

– Почему эта вот девица всегда появляется в нужный момент и в нужное время?

– Это мой дар, – спокойно объяснила я. – Я прихожу, чувствуя на расстоянии, как отчаянно ты во мне нуждаешься.

– Вот и неправда, я совершенно в тебе не нуждался! – горячо возразил бессовестный Ванцов.

– С женщинами так не разговаривают! – возмутилась я. – В женщинах положено нуждаться ежеминутно.

– Так это когда женщины не появляются в квартире только что убитого человека, который был связан с убитым год назад, и не спрашивают этак невинно, что я могу рассказать о том самом человеке!

– Черт! – ошарашенно пробормотала я, не веря в собственную удачу. – Прости, дорогой! Я не знала, что Прохоров...

– Ты не знала? – взревел Ванцов. – Она не знала! Посмотрите на нее! Она, понимаете ли, ничего не знала! Вообще появилась тут случайно! Вот только откуда тогда, крошка, ты знаешь, что убиенного звали Прохоровым?

– А ты сам сказал, – попробовала вывернуться я.

Ну, даже если он не говорил, я могу сослаться на соседей во дворе, так ведь?

Но этого не понадобилось.

Ванцов явно был еще во власти нежных чувств к прекрасной свидетельнице и потому озабоченно посмотрел на меня и хмыкнул.

– Ну, ладно, – кивнул он своей рыжей башкой. – Попытаюсь поверить тебе. Может быть, с моих неуправляемых уст и слетело это имя. Но все равно я требую объяснить, почему ты вдруг заинтересовалась Дындой!

– А тайна следствия? – улыбнулась я.

– Вот и не получишь интересующих тебя сведений, – проворчал Ванцов. – У меня тоже тайна на тайне сидит и тайной погоняет...

Он сделал вид, что уходит.

Ага, дам я тебе уйти! И останусь в идиотском положении – вместо пронизательной, героической Саши явится пред очи высокомерной Лизы растерянная и обремененная неудачами?!

Ни-ког-да!

– Лешенька, – ласково позвала я.

Он остановился, хотя уже открывал дверцу машины.

– Лешенька, а если я тебе расскажу про тайну моей клиентки, ты...

Он обернулся.

Боже, сколько нежности, наивной растерянности вложила я в свой взгляд! И каменное сердце растопилось бы!

Он тяжело вздохнул, поняв, что сопротивление бесполезно, и кивнул:

– Садись. Поехали. Поговорим у нас, у меня времени нет.

– Вау! – Я чмокнула Ванцова в щеку. – Только сделаю один звоночек, ладно?

– Звони, – милостиво разрешил Ванцов. – Если, конечно, ты звонишь не в ФБР.

– Ну, что ты, – отмахнулась я. – У меня, понимаешь ли, с Америкой отношения дипломатические слегка разладились. Так что оплачивать международные звонки тебе не придется!

* * *

Тамара схватила телефонную трубку сразу, только раздался первый звонок.

– Алло, – проговорила она.

– Тамара Николаевна? Вы меня, ради бога, простите, но я никак не могу пока приехать. Вы сможете подождать еще некоторое время?

– Сколько? – спросила Тамара, оглядываясь на часы.

В принципе времени у нее было много. Или ей только казалось? И из темноты уже нацелен на ее сына и на нее курок?

Она усмехнулась.

Откуда она знает, сколько у них осталось времени?..

– Я надеюсь управиться за час.

– Что-нибудь случилось?

– Да не у меня... Понимаете, мой друг работает в «убойном» отделе, а я иногда им помогаю. Тут произошло ЧП с одним режиссером...

Она невольно затаила дыхание.

Только не выдать своего волнения!

– Вы не беспокойтесь, Саша! Думаю, я вполне могу подождать вас час-полтора...

– Спасибо. А то с этим Прохоровым пока загадок больше, чем отгадок...

О, как она была благодарна небесам, что позвонила заранее!

В ее голосе, ровном и бесстрастном, не было никаких лишних эмоций.

– Да, я понимаю. Бедная девочка, как вам трудно приходится!

– Ничего, терпимо...

* * *

– Ничего, терпимо, – сказала я и положила трубку.

Черт!

Или она уже знала о Прохорове, но откуда?

– Лешка, пока ты там был, никто не звонил?

– Да звонили без конца, – сказал Лешка. – У этого Прохорова знакомцев, как собак нерезанных...

– Значит, она могла знать об этом. Позвонила, и твоя мамзель ей все выложила... Господи, Леш, когда вы будете внимательнее относиться к телефонным звонкам?

– Они все записывались, – холодно бросил Ванцов. – Вообще, Сашенька, знаешь, что меня иногда доводит до белого каления?

– Нет, – покачала я головой. – Впрочем, попробую догадаться... Юные нахалки, указывающие тебе, как работать.

– Сообразительная... Почему, кстати, ты так разъярилась из-за этих звонков?

– Потому что сейчас эта моя клиентка ничем не обнаружила, что знает Прохорова. Ты сказал, что Прохоров был связан с Дындой тесными узами. Не может тогда быть, чтобы его жена ничего о господине Прохорове не знала!

– Нет, не может, – согласился Ванцов.

– А тогда у нас получается, что Тамара Николаевна уже была осведомлена о смерти Прохорова!

– Ну, сейчас приедем, проверим, – кивнул Ванцов.

– А какой смысл скрывать? Если бы ты услышал о моей смерти...

– Тьфу, Сашка, типун тебе на язык!

– Да я к примеру... Наверное, ты бы не стал делать вид, что фамилия Данич тебе ничего не говорит?

– Ну, Данич не Прохоров... Прохоровы – распространен-

ная фамилия!

– Ага, – согласилась я. – И все-таки, памятуя о знакомом тебе Прохорове, ты бы поинтересовался, не тот ли это самый Прохоров, который был тебе неплохо знаком?

– Сашка, чего ты привязалась к этим Прохоровым? Ты подозреваешь свою Дынду в убийстве?

– Ни в чем пока я ее не подозреваю, но... Мне кажется, ее страх за свою жизнь и убийство Прохорова могут иметь между собой связь!

Ванцов был всецело поглощен дорогой. Поэтому он коротко и равнодушно бросил:

– Может.

И все. Нет, Данич, тебя сегодня окружают черствые, равнодушные люди! Никто не хочет облегчить тебе задачу, никто не собирается протягивать руку помощи! Даже близкие друзья делают вид, будто им ничего не известно... Ну, да ладно! Сама справлюсь... Мы подъехали к мрачному серому зданию и вышли из машины.

На улице опять начинался дождь. Я поежилась, пытаюсь спрятаться от холодных капель.

– Беги быстрее внутрь, – легонько подтолкнул меня Ванцов. – А то простудишься, и твой босс меня убьет, поскольку я лишу его талантливой сыщицы!

– Не убьет, – вздохнула я. – У нас теперь талантом считается Лиза... Моей пропажи он и не заметит!



Сегодня Каллистратов выжимал из себя у станка все дурные мысли. Все страхи. Все негативные эмоции...

Как будто это было можно выжать бесконечными батманами!

Нога взмывала вверх, рассекая пространство. Опускалась и снова, снова, снова – миллиард раз.

Он не чувствовал усталости. Перед глазами в тумане догадок всплывала та картина.

Когда он понял это?

Неужели все связано именно с этим нелепейшим случаем, в котором он был виноват меньше других?

Я был в этом не виноват!

Все равно никто это не слышит. Батман! Как выстрел. Сегодня или завтра тебе предстоит шагнуть в смерть, а? Владик, твое красивое тело будет гнить.

Интересно, прошибла бы сейчас Каллистратова такая волна ужаса, будь его тело не так превосходно скроено?

Он закончил «дрессировку» и теперь стоял под душем. Теплые струи воды стекали по четко вылепленным мускулам.

Где-то в отдалении разговаривали. Два голоса. Мужской и женский. Женский голос был хрупким, нежным, как у Нины.

Ни-на...

Надо же, все происходит именно сейчас. Сейчас, когда он встретился с этой хрупкой девочкой!

Он вспомнил ее распахнутые глаза и вздрогнул. Теперь он понял, на кого была похожа Нина.

– Черт побери, – озадаченно пробормотал он, потирая ладонью щеку. – А если это...

Да нет, прогнал он непрошенные мысли. Совпадение это случайное, не более того!

Он вышел на улицу.

Пустынный переулок, по которому надо сделать несколько шагов. До шоссе.

А там проголосовать – и через пять минут ты в театре.

Обычная его жизнь. Раньше его раздражала эта обыденность – хотелось чего-то более яркого, насыщенного. Хотелось ухватить жизнь за жабры. И вот сейчас, когда кто-то стоял за его спиной, как смерть, – он так полюбил свою жизнь, что был бы рад вернуть все с самого начала. Переиграть, чтобы не было той истории, настолько давней, что он почти забыл ее, и жить скромно, тихо, спокойно.

О, если бы это было возможно!

Он шел медленно, слегка наклонив голову, и считал шаги.

В театре он будет в полной безопасности.

* * *

Конечно, посвящать полностью Ванцова в свои тайны я

не собиралась.

А теперь эта история меня ужасно заинтересовала.

И даже не то, что убиенный Прохоров был знакомым моей Дынды, а другое.

Почему она предпочла об этом факте умолчать?

Мы прослушали записи звонков, и я без труда определила, что один из голосов принадлежал моей Тамаре Николаевне – этакое глубокий контральто.

«А Леонид дома?» – «Его больше нет...» – «Как?!»

– Послушай, а тебе не кажется странным, что она не спросила – что же с ним случилось? Она повесила трубку... То есть она предполагала нечто подобное?

– Сашенька, это мог быть самый примитивный шок, – резонно возразил Ванцов.

– Ну, предположим, шок. Но потом звоню я, и она делает вид, будто имя Прохорова ей совершенно незнакомо. Нет, Лешка! Она что-то знает и не хочет это обсуждать.

Я вытянула из пачки сигарету.

Закурив, отследила путь дыма к потолку и попросила Ванцова поведать мне об убийстве Василия Дынды.

– Я сейчас в подробностях вряд ли вспомню, надо посмотреть в архиве.

– Но убийцу поймали?

– Смейшься ты надо мной, Данич! – фыркнул он. – Это была чистой воды заказуха, и где у нас заказуху раскрывают? Убили. На пороге родного дома. Когда выходил из машины.

Сработали четко, шума никто не слышал. Глушитель, сама понимаешь...

– Если вдуматься, Прохорова тоже убили из пистолета с глушителем, – задумчиво сказала я. – Никто ведь ничего не слышал, а?

– А музыка? Она так орала, что никто бы и не смог ничего расслышать.

– А как убийца оказался в квартире?

– Следов взлома обнаружено не было. Ключи тоже не потеряли, по крайней мере, Римма так утверждает. Но тебя-то ведь Дында интересуется? Или я не понял?

– Если Прохоров был знакомым Дынды, получается, что его личность мне тоже интересна, – нагло ответила я.

– А почему, кстати, мадам Дында обратилась к тебе?

Вот он удивится, если я сообщу ему, что Прохоров тоже обращался! Только не ко мне, а к Лизе Борисовой!

– Преследование ей мерещилось, – ответила я, продолжая раздумывать, надо ли говорить Лешке, что Прохорова преследовали тоже. – Сначала я отнеслась к ее бредням без должного серьезности. Но теперь, в свете новых событий, придется пересмотреть свое чересчур легкомысленное отношение к Дындиным бедам... А то ее тоже убьют, и буду потом век чувствовать себя виноватой.

– А если подробнее?

– Ну, ладно, – решила я. – Дынду мою кто-то преследует. Какой-то тип в белом плаще, впрочем, сейчас потеплело,

он может переодеться... Ему лет около сорока пяти – пятидесяти, на вид очень интеллигентен и знает некий непонятный язык, на котором иногда склонен поговорить с объектом преследований.

– Как это?

– Однажды она не выдержала и спросила, что ему надо. Он что-то ответил не на русском языке. И не на английском. У меня есть предположение, что он сказал что-то на мертвом языке, но вот на каком... Я бы сказала, что это была латынь, потому что иначе придется предположить, что мы имеем дело с каким-нибудь сумасшедшим египтологом или вообще с жрецом храма Диониса, который помер лет тысячу назад... Латынь еще более-менее ходовой язык.

– Ну, так выясни. Это скорее всего филолог...

– Ага, – усмехнулась я. – У нас, дружок, не так уж мало этих самых филологов, а есть еще медики. Они тоже знают латынь. Я буду обречена праздно шататься среди филологов и медиков до конца своих дней. Ах, забыла! Еще есть историки. Они тоже, представь себе, неплохо шпрехают по латыни! А вдруг этот тип вообще инженер-гальваник, просто увлекся не на шутку латынью? Да и латынь ли это? Может, вообще старославянский?

– И что ты собираешься предпринять?

– Ну, для начала попробую все-таки вызвать госпожу Дынду на откровенность, – вздохнула я. – А вот если не получится...

Я все-таки хотела бы надеяться, что получится. Потому что разыскивать неизвестного в толпе высокоинтеллектуальной публики мне совсем не хотелось!

* * *

Каллистратов не любил дождь. А сегодня, как назло, с самого утра моросил дождь. И от этого на улице было темно, как в сумерках.

Он ускорил шаг, проклиная собственную забывчивость – за всеми этими историйками, достойными пера Гастона Леру...

Черт!

Он остановился.

Гастон Леру?

Почему он вспомнил о «Призраке оперы»?

Дождь, обрадованный тем, что жертва застыла на месте, усилился. Струи стекали по щекам Каллистратова, забирались за воротник.

Стены театра намокли и стали серыми. Улица была пустынна.

От размышлений Каллистратова отвлек стук знакомых каблучков. Где-то за спиной.

Нина...

Он закрыл глаза. Рядом с Ниной он казался себе чудовищем из сказки. Маленькая светловолосая девочка с нежны-

ми глазами и трогательными завитками волос... А рядом – он, стоимость кассеты и два часа удовольствий. Урод. Очень хорошая партия для маленькой дурочки Нины. И ведь пробралась эта дурочка в остатки души, черт бы ее не видал! Без нее было бы спокойнее...

Он обернулся и застыл, пораженный.

Нина разговаривала с каким-то человеком, странно и смутно знакомым.

Он пытался вспомнить, где он его видел совсем недавно и этот человек точно так же напугал его, хотя теперь на нем был светлый плащ.

Ах, да... В кафе. Его испугал взгляд этого человека, потому что он смотрел прямо на Каллистратова и в этом взгляде была ненависть.

Нина махнула ладошкой в сторону проспекта и быстрыми шагами пошла к черному ходу.

Каллистратов приостановился, чтобы дождаться ее.

– Влад!

Он обернулся.

– Профанум вульгус, – услышал он тихий, вкрадчивый голос.

Он взмахнул руками, будто пытаясь закрыться от этих слов, от человека, который сейчас приближался к нему.

– Ни-на, – прохрипел он, пытаясь ухватиться за нее, как за жизнь.

Нина скорее угадала, чем услышала, и застыла.

– Помогите, – беззвучно прошептала она.

Влад Каллистратов падал прямо на ее глазах, будто вдруг подскользнулся и не за что было удержаться.

Она по инерции рванулась в его сторону, чтобы помочь ему, но застыла как вкопанная. Стояла и смотрела, удивляясь тому, что ей его так жалко, хотя и не должно бы быть жалко, потому что... Она оглянулась.

Как по мановению волшебной палочки все исчезли, и никого не было.

Она снова посмотрела на Влада.

На его куртке, там, где сердце, расплывалось красное пятно...

Глава 8

Тамара Николаевна открыла мне дверь сразу.

Так быстро, будто ждала меня прямо возле двери.

Вид у нее был испуганный.

Глаза казались слишком большими на побледневшем лице, и руки теребили край жилета из ангорки.

– Саша! – вскрикнула она. – Как хорошо, что вы пришли именно сейчас!

Она, не дав мне раздеться, подтащила меня к окну.

– Видите? Он появился тут незадолго до вашего прихода... Буквально за пять минут. Вы его видите?

Она показывала рукой во двор.

– Кого? – спросила я.

Дождь уже кончился, и двор наполнился людьми.

– Да вот же! – нетерпеливо воскликнула она, продолжая тыкать пальцем с какой-то истерической радостью и воодушевлением. – Теперь вы видите? Теперь вы понимаете, что я ничего не придумываю? Меня действительно преследует этот человек, именно этот!

Теперь я его увидела.

Он стоял, заложив руки за спину, в светлом плаще, и не сводил глаз с нашего окна.

– Он меня ждет, – прошептала Тамара Николаевна. – Боже мой, он же меня ждет, чтобы убить!

Положительно, я чувствовала себя беспомощной идиоткой.

– Тамара Николаевна, – мягко начала я. – Вы же не знаете ничего. Почему вам пришло в голову, что этот человек хочет вашей смерти?

– А чего же он может хотеть? – странно усмехнулась она. Ее глаза были сейчас пусты, и в то же время в них опасно теплился огонек безумия, готовый немедленно разгореться, только брось, как спичку, подтверждение!

Я совершенно не знаю, как вести себя с начинающими психами, с ужасом подумала я, пытаюсь не всматриваться в эти потемневшие глаза.

– Ну, может быть, он кого-то ищет? А вам кажется...

– Послушайте, – хрипло и отрывисто проговорила она. – Мне ничего не кажется! Я прошу вас, узнайте, кто он и что ему от меня надо!

– Как? Подойти и спросить? – развела я руками.

– Вы что, плохо соображаете? – зло взвизгнула она.

– Иногда да, – призналась я. – Хорошо, давайте посмотрим сами. Вы сейчас оденетесь, выйдете на улицу и двинетесь по направлению к набережной. Я пойду за вами, так что бояться вам нечего. Мы посмотрим, пойдет ли он за вами, и если он действительно будет вас преследовать, я прослежу за ним и попробую выяснить хотя бы, где он живет и как его зовут. Согласны?

Она помялась немного, прикидывая в уме, насколько

опасно сие предприятие, и наконец согласилась:

– Хорошо.

Она оделась и вышла во двор, пытаясь выглядеть беспечно. Я смотрела в окно.

Вот она вышла. Пошла вдоль стены дома, не оглядываясь.

Он стоял на месте, все так же заложив руки за спину. А потом...

Я едва успела сорваться с места и скатиться вниз по ступенькам.

Он пошел вслед за ней!

* * *

Самое интересное, что он хотел, чтобы она его увидела!

Как будто это входило в план его дьявольской игры – этокое воздействие на нервы моей несчастной подопечной!

Она несколько раз оглянулась, пытаясь скрыть страх, а он спокойненько встретил ее взгляд и, как мне показалось, усмехнулся!

Я шла, наоборот, скрываясь от его глаз, то позади, то слегка опережая его и делая вид, что меня интересуют витрины.

Он был слишком поглощен Тамарой, чтобы обратить на меня внимание.

Я была для него одной из многих фигурок, созданных для общего антуража его забав.

Или что там за всем этим стояло?

Мне показалось, я его где-то видела, только никак не могла вспомнить где... Обычно быстро срабатывает рефлекс – память на лица у меня не самая плохая. Но тут я тщетно напрягала извилины: он был похож сразу на очень многих моих знакомых и в то же время не был похож ни на одного!

Интеллигентен. Очень приятное лицо. Странно, что он внушает моей Дынде такой ужас. Мне он показался типичным представителем университетской профессуры, и я бы куда с большей готовностью отвела ему роль скромного обожателя, если бы не одно обстоятельство...

У Тамары Николаевны была очень привлекательная внешность. Но слишком яркая. Слишком кричащая.

Слишком вульгарная для такого утонченного дяденьки.

Поэтому ходить по улицам за Дындой его вряд ли побуждала страстная любовь.

Тогда что?! Или ты, Саша, полный тормоз и ничего не можешь понять по причине собственного слабоумия, или тут есть нечто скрываемое от твоих глаз самой героиней данной истории!

* * *

Я еще долго кружила вслед за ними по улицам и обдумывала идиотское положение, в каком оказалась.

Если верить Ванцову, равно как и отчетам, получалось, что Василия Никитича Дынду его супруга убить никак не

могла! Алиби у нее было железным. Она в то время отдыхала, любуясь красотами Зальцбурга и Вены. Бизнес у них был скромный, как и говорилось: кассеты, видео и аудио, и компакт-диски. Как, правда, они смогли так разжиться на этом, ума не приложу! Одни мамины знакомые, решив заняться видеопиратством, чуть не остались без квартиры. Впрочем, может быть, у них ничего хорошего не вышло, потому как эти знакомые были до того момента простыми учителями и никаких навыков не имели? Василий Никитич с супругой до того, как удариться в «культурную сферу», оба работали в гостиничном бизнесе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.